
СОВЕТ
ОГОНЁК
№ 8 ФЕВРАЛЬ 1951
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Н. А. Сысоев. ВСЕНАРОДНЫЙ ПРАЗДНИК. (День выборов в Верховный Совет). Художественная выставка 1950 года.

Праздник

Александр ЯШИН

Нет, еще не рассвело,
Но по тропкам и по насту
В избирательный участок
Потянулось все село.

А когда воскресный день
Начал брезжить, раздаваться,—
К клубу стали собираться,
И сходиться, и съезжаться
Из соседних деревень.

Развернулись у крыльца
Два приглядных молодца:
Саночки ковровые,
Полозки дубовые.

Две подружки хохоча,
На гнедом, прибавив ходу,
Перед всем честным народом
Обскакали «Москвича».

На крылечке старики
Шапки заячьи снимали,
Молодицы поправляли
Полушалки и платки.

Шел народ голосовать
За людей надежных, стойких,
За Отчизну — нашу мать,
За ее большие стройки.

Чтобы в лучшем из веков
Войны впредь не повторялись,
Чтобы Сталин был здоров,
Чтобы все мечты сбывались.

Чтоб теперь, когда в колхоз
Восемь сел объединились,
Все они в одно сселились,—
Агрогород чтобы рос.

А под окнами на круг
Из толпы своих подруг
Вышла девушка-невеста,
Шаль в цветах, как вешний луг.

Проплыла сперва с наклоном
Для разминки,
Не спеша.
Но баян с аккордеоном
Дали жару сообща,

И она пошла кружить
Так, что начало вьюжить,
Словно сразу захотела
Всех ребят приворожить.

Вслед за нею — старики,
Тоже на ногу легки,
Правда, валенки без скрипа,
Каблуки не высоки.

Ой, глядеть не наглядеться
На разлет густых бровей!
Разве есть такое сердце,
Чтоб не радовалось ей?

Нет ни снегу, ни мороза —
У нее в глазах весна.
— Вот из нашего колхоза,
А на весь Союз видна!

Хороша ведь?
— Кто такая
И какого роду? Чья?
— Роду нашего, простая,
Деревенская, своя.

Только нынче все такие —
Городские стать и вид.
Разве ж мы теперь простые?
Вся земля на нас глядит!

На первой странице обложки: НА СТРАЖЕ МИРА.
Фото М. Савина.

На последней странице обложки:
Суворовцы на лыжной прогулке.
Фото Н. Козловского.

Молодое поколение с трудом представляет, как выглядела Нарвская застава до революции. У самых ворот стояла маленькая деревянная школа.

Теперь здесь возвышается Дворец культуры имени Горького, один из самых чудесных дворцов, воздвигнутых в советские годы.

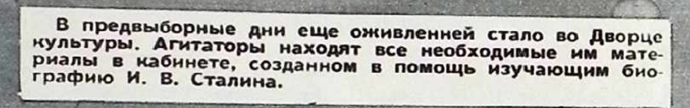

Люди Кировского завода стремятся оправдать честь, оказанную им великим вождем. Каждый день ознаменовывается новыми трудовыми успехами. 80 процентов плавок в мартеновском цехе производится скоростными методами. Высоких рекордов достигают сталевары М. Кононов (слева) и Н. Морозов.

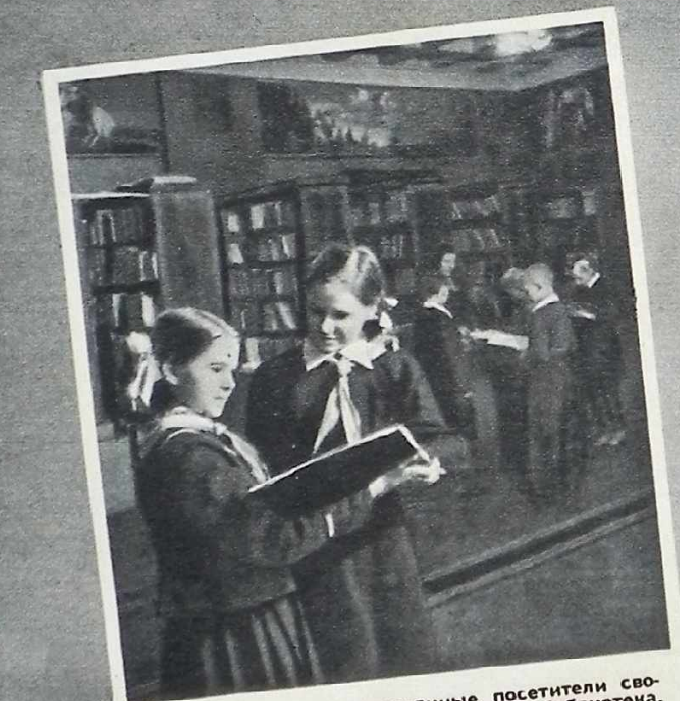

Священными реликвиями стали для жителей Нарвской заставы памятники героической обороны города в годы Отечественной войны. На гранитном постаменте стоит могучий танк, напоминающий о том, что здесь проходил передний край обороны.

В предвыборные дни еще оживленней стало во Дворце культуры. Агитаторы находят все необходимые им материалы в кабинете, созданном в помощь изучающим биографию И. В. Сталина.

Юные кировцы — постоянные посетители своего Дворца. К их услугам детская библиотека, где каждый школьник найдет интересующую его книгу.

В центре новых жилых кварталов расположен агитпункт 14-го избирательного участка. Здание украшено огромным макетом кремлевской башни. Сердцу ленинградцев дорого все, что напоминает о Москве, Кремле, где живет и трудится великий Сталин.

Огромное торжество сегодня в старейшем рабочем районе Ленинграда. Это торжество разделяют жители столиц союзных и автономных республик, отдающие свои голоса любимому отцу и учителю товарищу Сталину. Это — торжество всего советского народа, демонстрирующего свою безграничную преданность и любовь ленинско-сталинской партии, товарищу Сталину.

НА СТРАЖЕ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ

Генерал-майор В. МОСКОВСКИЙ

Наша армия родилась со словом «мир» на устах. Первый же декрет молодого Советского государства был декретом о мире, страстным призывом к нему. Но враги Страны Советов не желали мира. Он был невыгоден тем, кто во все времена наживался на кровопролитных войнах.

«Именно англо-французская и американская буржуазия, — писал Ленин, — не приняла нашего предложения, именно она отказалась даже разговаривать с нами о всеобщем мире! Именно **она** поступила предательски по отношению к интересам всех народов, именно она затянула империалистическую бойню!»

Нашу страну хотели задушить костлявой рукой голода, потому что большевики требовали мира. Наши города и села хотели залить кровью, потому что большевики стояли за мирное сотрудничество народов, за мирное строительство новой жизни. И тогда на защиту великих завоеваний Октября, во имя мира, на истерзанной войной советской земле, поднялась могучая армия, у колыбели которой стояли Ленин и Сталин.

Рождение советских Вооруженных Сил, все их победы над внутренней контрреволюцией и иностранными интервентами неразрывно связаны с именами Ленина и Сталина, гениально предвидевших необходимость организации армии нового типа. Товарищ Сталин учил: «...Либо создадим настоящую рабоче-крестьянскую, строго дисциплинированную регулярную армию и защитим Республику, либо мы этого не сделаем и тогда дело будет загублено».

И партия большевиков создала такую новую армию, армию освобожденных рабочих и крестьян, армию братства между народами нашей страны, призванную защищать не интересы помещиков и капиталистов, а интересы трудящихся. Тяжелые испытания выпали на ее долю. Четырнадцать империалистических государств выступили в поход против молодой республики Советов. Недостаточно обученная и слабо вооруженная, но сильная революционным духом и высокой политической сознательностью, направляемая Лениным и Сталиным, армия советского народа разбила войска интервентов и отстояла честь, свободу и независимость нашей Родины.

В годы гражданской войны товарищ Сталин вместе с Лениным организовал и руководил обороной Советской страны. С наступлением мирного строительства товарищ Сталин, опираясь на глубокое знание законов общественного развития, разработал учение о социалистическом государстве и его Вооруженных Силах в обстановке капиталистического окружения. Величайший полководец заложил основы принципиально новой, советской военной науки, определил пути дальнейшего развития всего военного дела.

Мудрая сталинская политика индустриализации нашей страны и коллективизации ее сельского хозяйства позволила нам подготовиться к активной обороне. И когда враг вновь посягнул на священную советскую землю, он получил еще один предметный урок, узнав, что такое Советская Армия, стоящая на страже безопасности своего народа, сколь могучи Вооруженные Силы, которые ведет на правое дело Генералиссимус И. В. Сталин.

Всем, кто и ныне еще мечтает о войне против Советского Союза, не следует забывать уроки истории. Наша армия создана не для захвата чужих земель. Но когда дело идет о свободе и независимости социалистической Родины, неприкосновенности ее границ, Советская Армия умеет не только с честью постоять за свою Отчизну, но и нанести сокрушительный удар врагу.

Прошло уже более пяти лет после окончания второй мировой войны. Человечество не забыло и никогда не забудет благородного подвига солдат страны социализма, спасших многие народы Европы и Азии от фашистского варварства. Тщетны попытки наемных фальсификаторов истории умалить величайшую роль Советской Армии в разгроме гитлеровцев. В Англии и Америке появилось за последнее время немало грязных книжонок, где дело изображается так, будто без «второго фронта» не была бы выиграна война. Всем теперь известно, как готовился этот «второй фронт», в угоду кому всячески оттягивалось его открытие. Известно также и то, с какой поспешностью гитлеровское командование стремилось сдаваться в плен американским и английским генералам, не без оснований рассчитывая, что в дальнейшем с ними удастся сговориться.

Образ советского воина, спасшего мир от страшной угрозы, нависшей над ним, навсегда сохранит в своем сердце и французский докер, и английский горняк, и норвежский рыбак. Именем Сталинграда — города, символизирующего славу советского оружия, — названы улицы и площади в зарубежных странах. Памятники, воздвигнутые в городах Европы советским воинам-освободителям, с любовью убираются цветами.

Солдат Советской Армии — это передовой, идейно убежденный и мужественный человек, сознающий свой долг перед народом: стоять на страже государственных интересов и безопасности первого в мире социалистического государства. Беззаветное служение Родине, любовь и преданность ей — вот что характерно для воина Советской Армии, воспитанного партией Ленина — Сталина. Наш солдат любит свою Отчизну, готов пойти на любой подвиг во имя ее свободы и независимости. Но он всегда уважал и уважает народы других государств.

«В капиталистических странах, — указывает товарищ Сталин, — армии обычно воспитываются в духе ненависти к народам других стран, в духе ненависти к другим государствам, в духе ненависти к рабочим и крестьянам других стран...

Наша армия построена на совершенно других основах. Сила нашей Красной Армии состоит в том, что она воспитывается с первого же дня своего рождения в духе интернационализма, в духе уважения к народам других стран, в духе любви и уважения к рабочим всех стран, в духе сохранения и утверждения мира между странами».

Разбой, грабеж, провокация, угнетение малых народов, безмерное издевательство над гуманностью и демократией — вот «символ веры» англо-американской военщины. Так было всегда. Вспомним пору рождения Советской республики, когда англичане и американцы выступили, по словам Владимира Ильича, в качестве «палачей и жандармов русской свободы». Агенты Вильсона душили революцию в Австрии, ставили ультиматум Швейцарии: мы вам не дадим хлеба, если вы не вступите в борьбу с большевистским правительством. «У них орудие простое, — говорил Ленин об этих палачах и жандармах, — веревка голода. Вот чем они душат народы».

Презрение и священную ненависть трудящихся всего мира вызывают в наши дни фашистские нравы американских империалистов, отвратительный моральный облик их армии.

В своем стремлении к мировому господству американцы затеяли войну против народов Востока. Залита кровью земля свободолюбивой Кореи, зверски замучены тысячи сынов и дочерей корейского народа, героически сражающегося против оккупантов. Не утихают провокации на границах Китая. Жестоко подавляется воля к свободе людей Вьетнама и Малайи. Сколачивается так называемая «атлантическая армия» против Советского Союза и стран народной демократии, возрождается германский милитаризм, в Западной Германии формируются дивизии во главе с военными преступниками.

Американским империалистам не нужен солдат, который мог бы разбираться в том, что происходит вокруг него. Они боятся своих простых людей, одетых в солдатские шинели, людей, побывавших на полях сражений второй мировой войны. Все чаще раздается гневный голос американского, английского, французского рабочего и крестьянина в шинели солдата или в куртке матроса: «Я не хочу проливать кровь во имя обогащения кучки негодяев». Мужественный французский военный моряк Анри Мартен заявил на суде: «Я записался во флот не для того, чтобы участвовать в войне, направленной на истребление женщин и детей».

Империалисты предпочитают Анри Мартену наемных убийц. Они посылают в Корею купленных на доллары бандитов, давно потерявших человеческий облик.

«Зачем вы убивали детей?» — спрашивают на допросе американского военнопленного Альберта Keперта из 27-го полка 25-й дивизии. И профессиональный убийца спокойно отвечает: «Командование обещало повысить в чине и увеличить жалованье всем тем, кто больше убьет корейцев».

Империалистам нужен солдат-автомат, слепо выполняющий волю хозяина. «Идеальный солдат, — откровенно писал английский офицер в журнале «Солджер», — должен быть одновременно гангстером и вором-взломщиком».

Немало таких «идеальных» американских и английских солдат разгуливает по городам оккупированной Западной Германии. Оккупанты чувствуют себя, как дома, и в маршаллизованной Франции, правители которой продались Уолл-стриту.

Наш советский солдат воспитывается в духе уважения к другим народам — большим и малым, в духе готовности отстаивать дело мира во всем мире. Советский воин стоит за мир, но не потому, что боится войны. Он умеет воевать и умеет добиваться победы над врагами. Об этом убедительно свидетельствует вся история Вооруженных Сил СССР.

Наш воин гордится честью служить в армии страны, стоящей во главе борцов за мир, демократию, социализм. Он, как и все его соотечественники, как и все прогрессивное человечество, горячо одобряет миролюбивую политику СССР, выражающую могущество социалистической державы.

Силам войны противостоит несокрушимый фронт мира во главе с великим Советским Союзом. В борьбе за мир наше государство опирается на идущую в гору социалистическую экономику, на закаленные в битвах Армию и Военно-Морской Флот.

Могучая наша держава занята великими мирными делами. Спокойно и уверенно трудится советский человек. Священные границы его страны оберегают доблестные пограничные войска. Созданные Лениным и Сталиным тридцать лет назад, эти войска с честью выполняют свой почетный долг перед Родиной.

Воины страны социализма бдительны. Международная обстановка обязывает их еще больше укреплять свою боевую готовность. Советский народ может быть твердо уверен, что наша армия, беззаветно преданная социалистической Родине, коммунистической партии и товарищу Сталину, будет и впредь надежно охранять завоеванный мир, созидательный труд строителей коммунизма.

Офицер кавалерии

С. КАНЕВСКИЙ и Е. УМНОВ

Валериан Куйбышев и его жена Елена на прогулке.

Старшему лейтенанту Валериану Никаноровичу Куйбышеву 25 лет. Он служит в Высшей офицерской кавалерийской школе имени С. М. Буденного.

Это — одно из старейших военно-учебных заведений страны, с прочно сложившимися традициями, которые молодежь с любовью оберегает и умножает. Многие из воспитанников школы стали знаменитыми полководцами. В свое время отдел наездников кавалерийской школы окончил Семен Михайлович Буденный. Маршалы Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский, генерал армии И. Х. Баграмян и другие талантливые деятели Советской Армии некогда были слушателями школы.

Кавалерия! Гитлеровские горе-стратеги считали этот род войск изжившим себя в эпоху моторов. Однако Великая Отечественная война опровергла эти вздорные рассуждения.

Дальновидная и единственно верная сталинская военная наука показала и доказала, что советский кавалерист был и остается грозным истребителем врага, действуя наряду и совместно с артиллеристами, танкистами, летчиками и пехотинцами. Современный советский кавалерист — образованный, всесторонне обученный воин. Он умеет сражаться и в седле и в пешем строю.

Валериан Никанорович — представитель молодого поколения советских кавалеристов. Круг его интересов широк. Он учит других, учится и сам, готовясь к поступлению в Академию имени М. В. Фрунзе. Он всегда в курсе литературных и театральных новостей. Много времени отдает конному спорту.

Старший лейтенант неизменно с успехом выступает на Всесоюзных конно-спортивных соревнованиях, защищая честь своей школы. В 1950 году он завоевал звание чемпиона Советского Союза по вольтижировке. Куйбышев не раз выигрывал первенство и в скачках с препятствиями.

В этом фотоочерке мы показываем быт молодого советского офицера — одного из тысяч.

Старший лейтенант В. Н. Куйбышев на занятиях со взводом. Он рассказывает о строении лошади.

Старший лейтенант Куйбышев ведет занятия по гимнастике.

→ Вместе с товарищами по школе Валериан Никанорович занят изучением основ марксизма-ленинизма.

↓ Навестить Куйбышевых приехал отец Валериана — Никанор Федорович.

→ Валериан и Елена Куйбышевы выступают на вечере самодеятельности в клубе кавалерийской школы.

↓ В День Советской Армии в школьном зимнем манеже состоится конно-спортивный праздник, где будет показан высший класс групповой фигурной езды. Первый слева — старший лейтенант В. Н. Куйбышев.

Это было на границе

В углу стоят два добротных, обтянутых крепкими кожаными ремнями чемодана. Судя по наклейкам, они попали сюда, «из дальних странствий возвратясь...» На одной из них читаем: «Багаж принадлежит господину Х. Магата, сотруднику японского посольства в Москве». О том, какой был «багаж», рассказывает лаконичная табличка: «В этих чемоданах сотрудник японского посольства пытался вывезти из СССР двух шпионов. Задержан в Негорелом».

В стеклянном шкафу лежит горка различного оружия — это трофеи, захваченные на Дальнем Востоке в боях с японскими провокаторами, нарушившими священные границы нашей страны. Трофеи напоминают о подвигах В. Котельникова, А. Махалина, А. Агеева и многих их друзей. О них сложены песни, их именами названы села, сопки, пограничные заставы. Народ славит часовых рубежей Отчизны, доблестных воинов-пограничников, на днях отметивших свое тридцатилетие. Советские люди никогда не забудут героических подвигов тех, кто вот уже три десятилетия зорко охраняет передний край нашей земли.

Незабываемы строки письма раненых пограничников, написанного ими в госпитале и адресованного товарищу Сталину. В дни, когда заседал VIII Чрезвычайный съезд Советов, в часы, когда вся страна слушала доклад И. В. Сталина о проекте Конституции, на Дальнем Востоке, на Павловой сопке, горстка храбрецов с Н-ской заставы отбивала яростные атаки регулярных японских войск, нарушивших нашу границу. В госпитале герои этого боя прочли строки сталинского доклада: «Приятно и радостно знать, что кровь, обильно пролитая нашими людьми, не прошла даром, что она дала свои результаты». И в письме вождю бойцы написали: «Нам тоже приятно и радостно знать, что пролитая нами кровь не проходит даром».

Все тут, в музее погранвойск Министерства государственной безопасности СССР, говорит об отважных людях, которые днем и ночью несут боевой дозор на рубежах нашей Родины.

Рядом с документами из истории пограничных войск, созданных Лениным и Сталиным, материалы, рассказывающие о первых боевых делах этих войск. Борьба с контрреволюционным подпольем. Сообщение ВЧК о раскрытии в Петрограде крупного контрреволюционного заговора Поля Дюкса — матерого английского шпиона. Тут же схема сложного переплетения нитей этого заговора. Все они сходятся в одном месте: в английской разведке «Интеллидженс Сервис».

Подобные схемы встречаешь на многих щитах. И невольно обращаешь внимание: нити подлых заговоров тянутся то к американской, то к английской разведке. А вот некоторые «комментарии» к схемам.

В 1925 году на советско-финской границе наши пограничники задержали человека, пытавшегося нелегально пробраться в Финляндию.

— Да, сознаюсь, — слезливо объяснял пойманный.— Занимался контрабандой. Но я не иностранец. Я гражданин СССР.

И он протянул советский паспорт. Может, он действительно всего лишь контрабандист? Но есть у чекистов и пограничников какое-то «шестое чувство», подсказывающее, что перед ними лютый враг. Советским паспортом прикрывался известный английский разведчик, капитан королевской авиации Сидней Георг Рейли. По его признанию, он прибыл в СССР организовывать восстания и диверсии. Перед отправкой в нашу страну капитан посетил злейшего ее врага — Черчилля; атаман шайки шпионов инструктировал его лично.

Разведчики пытались пробраться к нам во всеоружии шпионской техники. В музейных витринах лежат трости, на которых вместо набалдашников насажены... гранаты; ручки с вечными перьями, которые в любой момент могли выстрелить; пистолет, запрятанный в книге (для него в толстенном фолианте сделано специальное ложе); каучуковые печати и шрифты для изготовления подложных документов. Это все из арсенала коварного врага. Благодаря бдительности пограничников «трости» и «вечные перья» заняли место среди музейных экспонатов.

Шпион и контрабандист — неразлучные братья. Иностранная разведка не брезгует ничем. На одном из стендов — материалы, рассказывающие, как благодаря зоркости пограничников был обнаружен один контрабандист. Попутно с контрабандой он выполнял, по его выражению, «задания американских деловых кругов». Шпиона задержали на границе. В чемодане с двойным дном он вез иностранную валюту.

...Великая Отечественная война. Красочная диорама воспроизводит детали боя у пограничной заставы лейтенанта Лопатина. 22 июня 1941 года она первой вступила в бой с гитлеровцами. Так было и на Украине и в Белоруссии: пограничники первыми принимали на себя удар врага.

От первого до последнего дня войны пограничные войска сражались за Родину. Их посылали туда, где было всего опаснее и тяжелее. Знали, что они выстоят, выдержат, увлекут своим примером.

Есть в музее экспонаты, при взгляде на которые сердце начинает учащенно биться. Карта восстановления границы СССР. Навсегда запомнившиеся дни 1944 года. Фотографии: пограничные наряды впервые выходят на восстановленную границу. «И снова легла, неприступно и свято, омытая кровью, покрытая славой, граница могучей советской державы». Снова граница на крепком замке!

...Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза Семену Пустельникову. Это было зимой. Вражеская группа нарушила границу и пыталась скрыться в лесу. Ефрейтор Семен Пустельников вскочил на лошадь и помчался вдогонку. Обогнав бандитов, он смело вступил в неравный бой против целой шайки. Вот уже убит один, второй, третий... На остальных не хватило боеприпасов. Тяжело раненного ефрейтора окружили со всех сторон. Им было принято решение, достойное советского воина: гранатой он взорвал себя и окруживших его диверсантов. Сейчас застава, на которой служил герой, носит его имя.

Воин-пограничник знает: американские империалисты всегда старались засылать к нам шпионов, диверсантов, а сейчас, в пору невиданного разгула военной истерии, банды разведчиков из-за океана, их наемные агенты в различных странах с бешеной активностью стараются проникнуть к нам. Под стеклом лежит снаряжение разведчика, задержанного ефрейторами М. Бруданиным и В. Корцовым: пистолет, компас, карта, фотоаппарат, бинокль, американские консервные банки, индивидуальный пакет американского изготовления. Нетрудно догадаться, где и кто экипировал шпиона.

В нашей печати сообщалось о задержании английского траулера «Этрурия» пограничным сторожевым кораблем. Экскурсанты знакомятся с деталями этой операции: в 21 час 05 минут сигнальщик-матрос Шульгин доложил о замеченном им в наших территориальных водах неизвестном корабле. В бинокль был опознан английский рыболовный траулер. Пограничный корабль полным ходом пошел на сближение. Англичане попытались удрать, но безуспешно. Сторожевой корабль пересек курс впереди английского траулера, отрезал отход и заставил его остановиться. Моряки — посетители музея — с профессиональным интересом рассматривают схему искусного маневрирования пограничников. Тут же и фотография личного состава сторожевого корабля.

Среди многих экспонатов большинство таких, которые могут найти место только в музее **советских** пограничников. Вот материалы, раскрывающие нерушимое единство миллионов рядовых людей нашей страны с теми, кто охраняет спокойствие ее границ. С фотографии на нас смотрит широко улыбающаяся простая русская девушка Акулина Желязкова. В зимний вечер она была дома одна, когда открылась дверь избы и в комнату вошел неизвестный. Человек попросил поесть. И манера говорить, и осторожно задаваемые вопросы, и глаза, беспокойно шарящие по углам, — все это вызывало тревожное подозрение. Кто он? Откуда и куда держит путь? Поставив на стол еду, Акулина сказала:

— Вы, дяденька, кушайте, а я сейчас еще что-нибудь принесу.

Девушка вышла из дому и побежала в сельсовет. Вскоре выяснилось: «проголодавшийся путник» — гость из-за границы.

В музее узнаешь о многих таких патриотических делах верных друзей пограничников.

...Когда-то А. В. Суворов говорил: «Солдат и в мирное время на войне». Пограничные войска всегда в боевой готовности, всегда на переднем крае нашей Родины. С думой о ее счастье и безопасности выходит в боевой дозор пограничник. И когда покидаешь музей, тебя с еще большей силой охватывают чувства безмерной благодарности часовым наших границ и сознание высокого гражданского долга — всегда быть бдительным!

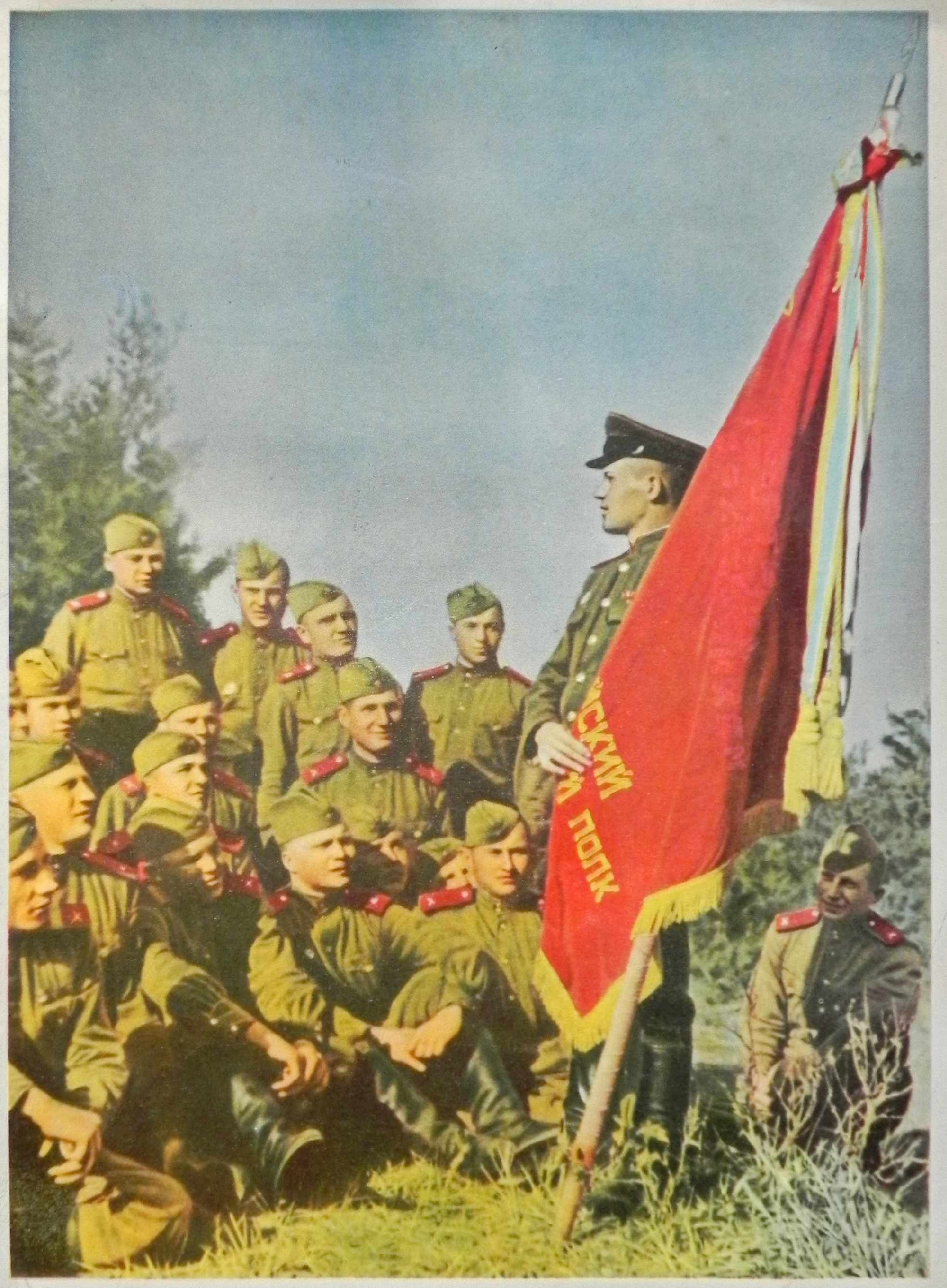
Л. ЛЕРОВ

— Мы стоим с вами у пробитой пулями и снарядами стены старого здания нашей пограничной заставы, принявшей на себя первые удары врага в июне 1941 года.

Так начал свой рассказ пограничникам бывший начальник этой исторической заставы, депутат Верховного Совета СССР, Герой Советского Союза подполковник К. Ф. Ветчинкин (крайний справа).

Фото майора В. Клименко

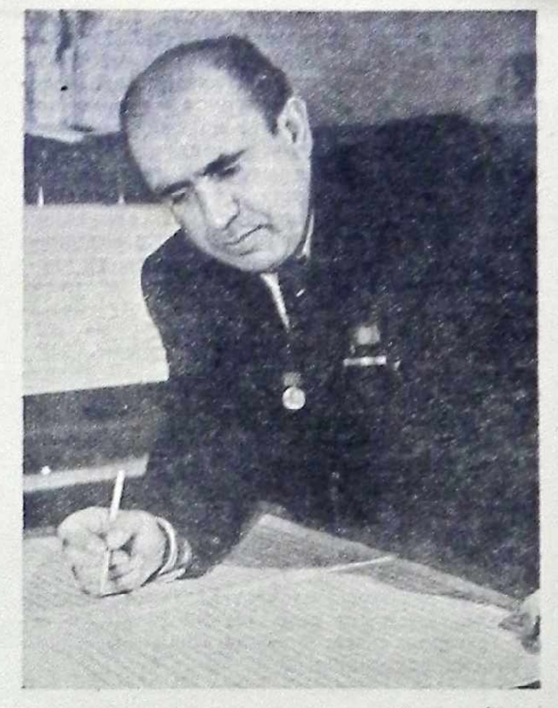
Гвардии майор М. С. Зубцов рассказывает бойцам о славном боевом пути части. Фото М. Савина

Первая работа
Марины Щербачевой.
Фото В. Семьянова

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Галина ШЕРГОВА

С. Т. Няга.

Очень хотелось вернуться сюда.

Шесть лет назад мы въехали в Кишинев на деревенской каруце, запряженной двумя меланхоличными волами. По ту сторону города еще тяжко вздыхала канонада. Сквозь развилку воловьих рогов мы увидели город. Млел сентябрь — лучший месяц Кишинева. Начали краснеть тяжелые кроны каштанов, клены уже сыпали листву на лапы каменных львов, спящих у входа в разбитый особняк. Изувеченный город предстал перед нами. Дома пустыми глазницами смотрели на пустые, щербатые тротуары. Мысль о том, что здесь может клокотать жизнь, казалась странной.

В ту осень я проехала почти всю заднестровскую Молдавию. До этого я побывала во многих освобожденных городах и селах Родины. И всюду радовало и поражало, что первый же день освобождения начинался стуком топоров по кровлям, колхозными собраниями, металлическим грохотом заводских цехов. Советская жизнь, временно прерванная, брала сразу же разбег, сообщенный ей четвертью века строек, творчества, жадной жизненной силы.

Здесь же, в Бессарабии, особенно в селах, жизнь начиналась робко, как бы исподволь. За предвоенный год советской власти размашистые темпы нашего созидания еще не вошли в самую плоть молдавской деревни, и сейчас радостное, почти детское удивление тому, что можно снова свободно пахать землю и учить детей, жило в глазах крестьян.

Помню, однажды ночью мы приехали в село Джурджулешты. Об этих Джурджулештах писал когда-то Коцюбинский. Рассказ о виноградниках, пораженных болезнью, и об огне, вылизавшем до корней больные лозы. Так местные власти лечили поля. Рассказ о крестьянах, у которых вместе с лозой отняли возможность жить. Очень грустный рассказ.

Звездный Прут лежал за окном, и медленные ветви деревьев шевелились над ним. Хозяйка принесла на стол миску мамалыги и десяток гнилых яблок. «Больше нет», — сказала женщина. В избу вошел подросток в косматой овечьей шапке. Он кинул взгляд на мамалыгу. Женщина что-то сказала ему. Тогда один из нас, понимавший по-молдавски, вмешался: «Да что вы! Пусть ест. Какие там гости!» И обернулся к нам: «Она говорит — это для гостей. А парень хочет есть».

И нам показалось, что еще пахнет за селом погребальным виноградным дымом и что за эти десятилетия, со времен Коцюбинского, жизнь так и не пробилась сквозь пепел, замуровавший землю. Мы сказали хозяйке: «Ничего, скоро все будет». Она удивленно повела плечами: «Хорошо бы...».

...И вот теперь я вновь в этом краю, певучем краю виноградных лоз, пахучей грозы над Днестром, степей, где отары овец уходят на горизонт, к отарам туч. Хотелось взглянуть в глаза этого края, преображенного нашими шестью огромными годами.

Кишинев не узнать. Город, возмужав и помолодев одновременно, обрел новый характер — деятельный и очень сегодняшний. Ходили мы по городу с Любовью Беляевой. Она смотрела на новые дома и почти на каждый кивала головой. Говорила просто: «Это тоже я штукатурила». Мне хочется сейчас рассказать о ней, но я сделаю это позднее, и вы поймете, почему.

На Ленинской улице мы простились — Беляева пошла на стройку, а я решила подняться вверх по улице 28 июня до Садовой.

На Садовой город кончался, только маленький горбатый переулок, упиравшийся в дом, карабкался наверх.

И вот переулок и дом я узнала сразу. Здесь в 1944 году жил старый кишиневский доктор, которого фашисты всю войну терзали в гетто. Доктор был очень болен и слаб, но по вечерам к нему собирались музыканты, доктор усаживался в кресло, закрывал глаза и слушал музыку. Мы бывали у доктора вместе со Степаном Тимофеевичем Нягой, молдавским композитором. Няга играл нам здесь свою «Поэму о Днестре». Сейчас я уже не помню мелодий, живо только ощущение. Молдавские холмы — рыжие и косматые в огне сентябрьских лесов, сады и виноградники с каплями солнца в гроздьях, фольговые голубки на придорожных распятьях. И снова тяжелые сады... И стон, стон народа, изнывающего под чужеземным гнетом, стон народа, у которого отняты и сады, и виноградники, и даже косматые холмы. Песня оккупации.

Доктор слушал «Поэму», качал головой и все повторял: «Да, это правда». И глаза у него были мокрые.

Я вспомнила об этом, стоя у дома в переулке Садовой. Вдруг меня окликнули. Из дома вышел сам Няга, да, Степан Тимофеевич! Оказывается, он теперь жил здесь. А доктор? Доктор, бедняга, умер.

Мы сидели у Няги и, как всегда в таких случаях, перебирали события и разговоры тех дней. Вспоминали его рассказы о детстве. Он снова перебирал забавные истории тех времен. Я представляла, как маленького Стефана мать запирает на ключ в комнате и за дверью слышится ее голос, обращенный к кому-то из соседей: «Такой лентяй, знаете. Насильно заставляю писать палочки на доске. А теперь еще музыка. Это в нашей-то семье, где все музыканты, насильно заставлять заниматься музыкой!». А через три часа у двери раздавались шаги, и тот же голос уже шепотом говорил: «Подумайте — играет! Палочки писать не хочет, а на рояле сам по пять часов играет». Потом, когда Стефану было лет 12, он уже зарабатывал, играя в кино. По прериям, раздувая пенные бока, неслись мустанги, и рояль надрывался в бешеной погоне. Но даже лучший знаток музыки не мог бы назвать автора этого фортепьянного аккомпанемента. Музыка рождалась здесь, в темном зале, и маленький автор еще час назад не знал о существовании этих созвучий.

Няге удалось кончить Бухарестскую консерваторию. И потом, в Париже, подрабатывая выступлениями в качестве аккомпаниатора, он продолжал совершенствоваться. В это время он уже писал много и серьезно, но и симфония, и оратория, и камерные произведения не удовлетворяли его. В них не было основного — своего почерка. Воспитанный французской школой, но любивший Чайковского и Римского-Корсакова, Няга пытался объединить эти разные начала. Синтез получался искусственным. Возвращение в Кишинев в сороковом году, новые пути его народа обратили Нягу к молдавскому фольклору. Дойны были его вторым творческим рождением.

Мы познакомились, как я сказала, когда Няга играл свою «Поэму о Днестре», написанную в глубине Союза, далеко от молдавских ореховых рощ. С тех пор я не раз видела в Москве на афишах его имя, а однажды слушала его музыку в концерте... Это была «Песня о Сталине» для хора с оркестром и кантата «25 лет Молдавской ССР».

Теперь он сказал:

— Сделал кое-что за эти годы. Написал кантату «Стефан Великий», ораторию, мелкие камерные произведения. Музыку республиканского гимна. Работают все очень много, и я работаю. В Кишиневе теперь многое изменилось. Большие достижения.

Я показала на лацканы его пиджака:

— И у вас достижения. Да еще какие! Сталинская премия, орден Ленина, значок депутата Верховного Совета республики. Этого тогда не было.

Он смущенно развел руками и показал телеграмму:

— Да, вот, видите. Сегодня у меня большой день: телеграмму получил — снова выдвинули кандидатом в Верховный Совет. — Он бережно, вчетверо сложил телеграмму, спрятал ее в стол, а потом сказал: — Очень большие изменения произошли в Молдавии. Я сейчас написал об этом. На днях кончил ораторию. Я назвал ее «Песня возрождения». Только я говорю плохо. Если хотите, лучше сыграю.

* * *

История Бессарабии... Он чувствовал ее, и тяжелые аккорды — повесть о турецкой неволе — возникли сразу и неопровержимо. Композитор слышал их, как и свист гайдуцких шашек, цокот копыт, тревожные трубы военных сигналов и неодолимые маршевые ритмы наступления освободителей. Ему хорошо работалось. Все его существо было полно возникающими темами, и музыка гулко пульсировала в крови. И вдруг он остановился.

Нужно было написать центральную часть оратории — «Песню возрождения». Он хотел, чтобы в ней выразилось самое существо происшедшего на его родине, сама жизнь. А жизнь обступала его, сходила с газетных листов, рвалась из репродукторов, клокотала в окружающих его людях. И вечерами при свете электрической лампочки древние деды читали придирчивым внукам специальную газету для малограмотных. А внуки поучительно поправляли ошибки. Школы открывались всюду. Няга однажды приехал к своим избирателям. Снег был высок, лошади в лесу увязали по грудь, и дымные ноздри их дышали над сугробами. Это была трудная зима для деревни, и все-таки первое, о чем попросили крестьяне своего депутата, была школа, семилетняя школа. «Это возможно?» — спросили его.

Да, в Молдавии теперь все было возможно. Если оказалось возможным вырастить здесь хлопок и посадить цитрусы.

И Няга читал о том, как в холмистой степи, посасывая воду из встречных родников, текла спокойная речка Куболта. И вдруг уже нет тихой Куболты: ее пересекли плотины колхозных гидростанций. И если смотреть с дальнего холма, кажется, светлая нитка реки запуталась в большие клубки новых озер.

Новое входило в жизнь, неся изобилие, колыхалось на телегах грудами винограда, сыпалось звонким зерном в элеваторы, плескалось багряной волной вина о стенки каменных бассейнов.

Вот об этом надо писать. Веселые, ликующие перезвоны народных цимбалов и тяжесть виноградных гроздьев ложились сочными аккордами. Это будет симфонический кусок. Он записал его. И все-таки пейзаж обновленной земли — еще не главная тема. Хорошо. Симфонический кусок останется, как интермеццо к главной теме. Но где же она? Как должна зазвучать? Жизнеутверждающим маршем, в котором люди услышат молотки

строек и песни подъемных кранов? Заздравной? Что же? Где же душа этой темы?

...Однажды Няга прочел интересный материал. Это было перепечатанное из ленинской «Искры» от 1901 года письмо солдата. «Христос Воскресе! — писал солдат. — Дорогой папа! В начале этого месяца мне пришлось участвовать в усмирении бунта в селе Трифанешты». Дальше солдат рассказывал об умирающих от голода крестьянах, которые просились на Амур, на новые земли, за что и были высечены нагайками. Полвека назад ленинская «Искра» встала на защиту бессарабских крестьян.

Но не только об этом писали газеты.

Село Трифанешты находится во Флорештском районе. Когда Няга читал письмо солдата, во Флорештах полыхали пестрые стенды сельскохозяйственной выставки. Василий Климов, бригадир из колхоза имени Ленина, стоял в стороне и, улыбаясь, прислушивался.

— Это что же за злаки-то будут? Чумиза, соя, ветвистая пшеница?.. И сроду таких не было, — удивлялся какой-то старик.

Вступила девчонка:

— Посмотрите, какая пшеница — «одесская-3». Пятьдесят семь тонн с двадцати семи гектаров снято. Бригада Климова.

Старик вспоминал:

— Какого Климова? Василия? Да он же вовсе нищий был... Надо же, а!..

Да, были нищими те, о ком писала ленинская «Искра», и нищим был прежде теперешний бригадир из колхоза имени Ленина. И будто символически в этом ленинском имени связалась вся долгая судьба флорештцев, судьба народа: победоносная и чудотворная советская власть, ленинские мечты—в сталинских делах.

И, ощутив это, Няга услышал властные звуки апофеоза: рождалась, все шире и шире плыла в нем тема славы. Теперь у оратории был найден финал. И все-таки он сознавал, что произведению не хватает еще какой-то темы, которая сольет все части в единое, органическое целое.

Преобразовывались степи, менялись деревни, отстраивались города. Но что такое красота земли, если не живет на ней красивая человеческая душа?

Л. Г. Беляева.

А сейчас распрямлялись люди, распрямлялась человеческая душа, ощущая свободу. Крестьянки, еще недавно неграмотные, выступали в газетах с пропагандой своих новаторских методов, появлялись все новые имена Героев Труда.

Трудно сказать, когда именно Няга почувствовал это: читая статью доярки Наталии Дворской или слушая выступление Героя Социалистического Труда Марии Кордонской. Но теперь он знал главное. Мысль родила чувство, чувство обрело музыкальную плоть. «Песня возрождения» будет песней свободной человеческой души. Просторная, беспредельная. Это будет партия сопрано — самого чистого тембра человеческого голоса, партия сопрано, переходящая в дуэт с меццо. Не марш и не заздравная — лирическая мелодия. И под ней пойдет сопровождение мужского хора; из глубины народа рвется в просторы эта свободная душа. И не надо интермеццо. Надо снять его. Тема будет чистой и нетронутой, ибо в ней — существо.

...И вот, слушая эту часть оратории, я думала о Любови Беляевой, о той, что сегодня водила меня по городу. Утром этого дня к ней на стройку прибежал сынишка. Лицо у него было ликующее. Еще издали он крикнул:

— Ма, давай денег: нужно много газет купить!

Мать спросила с лесов:

— Каких газет?

— А там напечатано, что тебя в депутаты Верховного Совета Молдавии выдвинули. И не где-нибудь, а в Филармонии!

Любовь Георгиевна даже смутилась:

— Штукатура — в Филармонии!

...Я думала о Беляевой. О девочке, встречающей пришедшего с работы отца, угрюмого отца с тяжелыми руками каменолома, с лицом в белесоватой каменной пыли, будто высеченным из гранита. О девушке-батрачке, лежащей на бурьяне в сарае; лунный свет вползает через щель сарая, и девушка, забывая про гудящую боль в натруженном теле, разбирает слоги в старой книжке Помяловского. О сорокалетней женщине — лучшем бригадире кишиневских штукатуров. Она стоит на лесах, и десять мужчин ждут ее приказов и советов — почтительно и со вниманием. Я думала о Любови Георгиевне Беляевой, молдавской крестьянке, которая стала не только строителем, что раньше было немыслимо, — которая стала государственным деятелем.

Это и была та свободная, крылатая душа, душа нового человека, о которой говорила музыка.

Главная тема была найдена верно.

У гвардейцев

Владимир ФЕДОРОВ

ГРУППКОМСОРГ

Тряхнет непокорным чубом,
Начнет с расстановкой некоторой...
Он кажется в зале клуба
Всей роте заправским лектором.

А утром комсорг на спину
Навьючит плиту опорную,
Ремнями стянув махину,
Шагает тропинкой горною.

Не горбится он в дороге,
Еще и подшутит, главное.
На дальнем привале ноги
Гудят, как столбы телеграфные.

А он развернет скорее
Газету со свежей картою:
Волнуется за Корею
И вслух просвещает гвардию.

Тряхнув непокорным чубом,
Фанеру прошьет на стрельбище.
А сзади:
— Он фрукты любит,
«Яблочек» десять съел бы еще!

Майор с неразлучным «фэдом»
О нем размахнулся очерком.
Задорно глядят с портрета
Глаза вожака-сверхсрочника.

КОНЦЕРТ

С футбола, как в штыковую,
Поляну берем лесную.
А там со второго тайма
Два «зиса» рядком стоят
С откинутыми бортами —
Эстрада из всех эстрад!
Осинки листвой осенней
Трепещут от нетерпенья.
Походная — первый номер.
Вся ширь степной полна,
Знакомая, по-иному
Со сцены звучит она.

Тут целая выйдет рота,
Как топнет.
Привстал народ:
Сапожникам есть работа
И плотникам есть работа!
Аж треск от машин идет.
Осинки листвой осенней
Чуть шепчут от изумленья.

— Эх, сад-виноград!
Связисты,
Стрелки, пушкари, учбат —
Заслуженные артисты
Республики Зеленград.
Пускай ты из лучшей ложи
Увидишь театр Большой,
А все же забыть не сможешь
Солдатский концерт лесной!
Осинки листвой осенней
Трепещут от восхищенья.

НАВОДЧИК

Уровень сверит Юдин,
Глянет в прицел, нажмет,
Вздрогнет щиток орудия,
Уши заткнет расчет.

Был «транспортер» — и нет:
К небу взлетел макет.
Плотник, солидный малый,
Охнув, присел, чудак:
— Лесоматериалов
Не напасешься так!

Юдин и сам не рад:
Мало! Еще б снаряд!

...А начиналось это
В детстве —
гурьбой друзей,
Аховым пистолетом
С трубкой от «ХТЗ»,
Зайцем, под свист и гам,
Мчавшим по зеленям.

С фронта, бывало, батя
Сыну писал:
«Сергей!
Гитлера серых братьев
Для тренировки бей!»
Зверя среди лощин
Бил из централки сын...

Весь полигон дымится.
Смотрит на паренька
У огневых позиций
Сам командир полка.
— Видно, что фронтовик.
Счет у тебя велик!

Оторопев сначала,
Юдин затем в ответ:
— Волков я стрелял, случалось,
«Тигров» — покуда нет!

Армия героев

Вся Корея торжественно и тепло отметила третью годовщину своей героической армии. Эта армия — плоть от плоти народа. Под ее боевыми знаменами сражаются люди, беззаветно преданные родине, трудовой партии, любимому вождю Ким Ир Сену.

...Впервые солдаты и офицеры Народной армии встретились с американскими вояками в начале июля прошлого года близ города Сувона. Командир 24-й американской дивизии небезызвестный генерал Дин выдвинул в этом районе против передовых подразделений Народной армии один из своих батальонов. Спесивые янки шли вперед нагло, самонадеянно, без разведки, с сигарами в зубах. Они были уверены в том, что одно их появление вызовет замешательство в рядах корейских воинов. Город Сувон стал местом стремительного и позорного разгрома американского батальона, затем полка, затем и всей 24-й дивизии.

В последующих суровых боях с американскими захватчиками корейская Народная армия показала свое высокое моральное превосходство, героизм, воинское мастерство. Она противопоставила врагу и свою боевую технику, которой в совершенстве овладели ее бесстрашные воины.

У Народной армии замечательные командные кадры. Многие офицеры ее прошли суровую школу в партизанских отрядах Ким Ир Сена, накопили немалый опыт в боях с японскими оккупантами. В нынешней священной освободительной войне они, многократно умножив этот опыт, проявили себя умелыми и мужественными военачальниками, владеющими сложной тактикой современного боя.

Никогда не забудутся те несколько часов, которые я провел на командном пункте ныне покойного Ким Чака, командующего фронтом. Большая брезентовая палатка, скрытая сверху ветвями сосен, в глубине — простая походная кровать, маленький стол с полевым телефоном. За столом сидит высокий, крепко сложенный человек в гимнастерке защитного цвета. Виски его слегка посеребрены сединой. Под черными нависшими бровями молодо блестят прищуренные глаза. Взгляд пристальный, спокойный, умный. Таким мне запомнился этот замечательный человек, ближайший соратник Ким Ир Сена, один из организаторов и создателей Народной армии, до последних дней своей жизни руководивший ее боевыми действиями. Здесь, в штабе командующего, я увидел культурных, знающих, опытных офицеров.

В дни третьей годовщины Народной армии у всех на устах имя Ли У Ира, командира артиллерийской батареи, в прошлом рабочего, недавно еще рядового солдата. Это он со своими боевыми товарищами нанес в начале войны решающий удар отступающим подразделениям 24-й американской дивизии, оседлав глубоко в ее тылу дорогу, по которой американцы откатывались на юг.

С командиром другой артиллерийской батареи капитаном Ли Сон Хоном мне довелось встретиться в дни тяжелых оборонительных боев в районе города Сингисю. Батарея Ли Сон Хона вместе с другими подразделениями Народной армии сдерживала здесь целую английскую пехотную бригаду, расстреливая ее солдат прямой наводкой. А ведь перед этими боями артиллеристы вместе с орудиями прошли сотни километров, непрерывно отбивая атаки врага!

Можно назвать тысячи и тысячи имен бесстрашных корейских бойцов, покрывших неувядаемой славой боевые знамена Народной армии. «За родину, за Ким Ир Сена!» — вот боевой клич, поднимающий с промерзлой земли ее солдат и офицеров, идущих в атаку. «Отомстим за муки, за слезы, за кровь матерей наших и детей!» — вот слова, накаляющие отвагой сердца этих бесстрашных рыцарей родины.

Мне довелось встречаться с ними на пыльных фронтовых дорогах, когда они лунными ночами бесшумно шагали по обочинам дорог, теряясь в тени тополей и низкорослых сосен, на скалистых кручах Бункейского перевала, в заснеженных северных ущельях. Доводилось видеть разведчиков, прославивших себя на весь фронт смелыми налетами на штабы и огневые позиции противника; одетых в запыленные синие комбинезоны танкистов, прорывавших с хода американские бетонированные укрепления, с одного выстрела поражавших неуклюжие американские «шерманы»; летчиков, недавно севших за штурвал самолета и победивших в неравном бою матерых американских асов.

В сражениях плечом к плечу идут с ними простые китайские юноши, чья храбрость вызывает у корейского народа чувство безграничной признательности и любви. Вместе они сражаются за мир на родной земле. Ненависть к врагу наполняет их сердца отвагой, зажигает взор презрением к смерти.

Миллионы патриотов Кореи, несмотря на непрерывные бомбежки, самоотверженно трудятся для фронта, обеспечивая свою родную армию боеприпасами, снаряжением, продовольствием. Они отдают армии свои сбережения, собирают для нее цветные металлы, лекарственные травы, шлют тысячи скромных и драгоценных подарков. В прифронтовой полосе я видел нескончаемые вереницы крестьян, несущих к передовой линии снаряды, мины, патроны. Это была волнующая, незабываемая эстафета тружеников тыла.

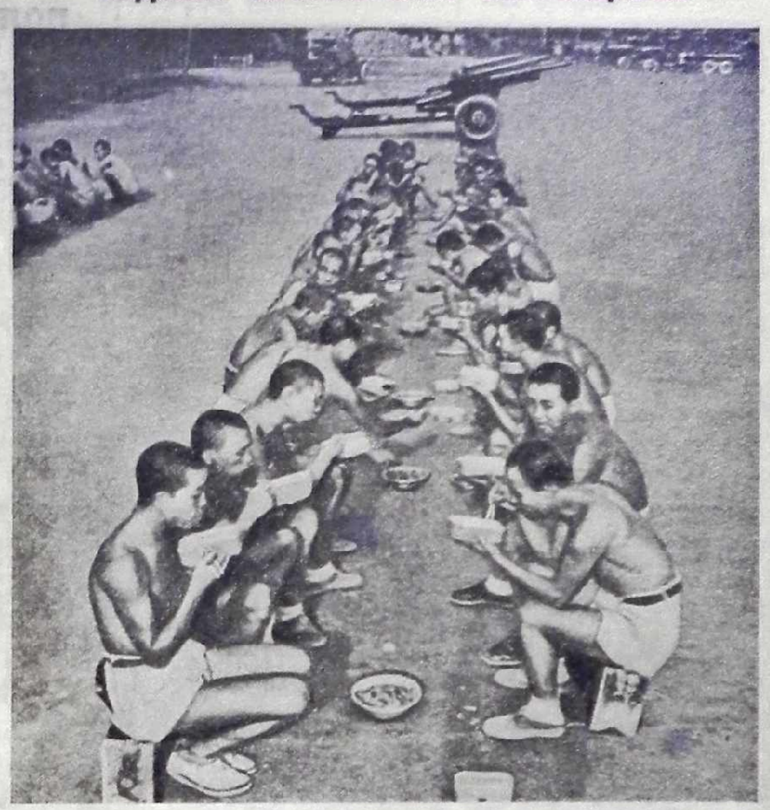
Гром орудий сражающейся Кореи — торжественный салют в честь славного трехлетия ее героической армии. Ее зовет на новые славные подвиги во имя родины Верховный Главнокомандующий Ким Ир Сен.

Алексей КОЖИН

На огневой позиции артиллерийской батареи.

«ИДЕАЛ» ЗАОКЕАНСКИХ ВЕРБОВЩИКОВ

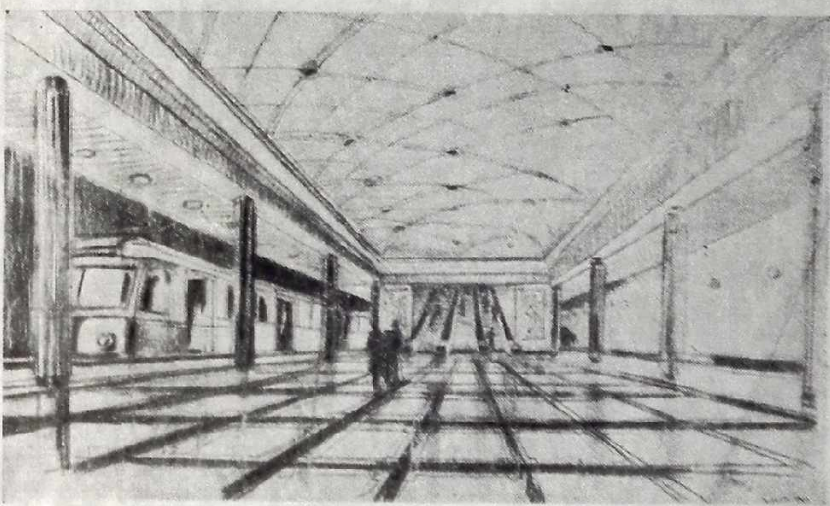
Заготовка пушечного мяса для военных авантюр — такова сегодня цель американских империалистов в Азии. В этом состоит и «миссия» ставленника монополий Даллеса, который рыщет по азиатским странам в надежде сколотить новый агрессивный Тихоокеанский блок.

Что у даллесов на уме, то у писак Уолл-стрита на языке. Газета «Вашингтон пост» цинично пишет, что для американской агрессии в Азии нужны наемные войска, которые, «имея горсть риса в день, будут хорошо сражаться» за интересы американских финансовых магнатов.

Немного риса, минимум одежды и много пушек у изображенных на этой фотографии наемных солдат американских агрессоров на Тайване — вот «идеал» заокеанских вербовщиков пушечного мяса.

Но расчеты американских торговцев кровью народов построены на песке. Как бы ни суетились даллесы и макартуры в Азии и эйзенхауэры в Европе, народы не пойдут в наемники американским претендентам на мировое господство. Свободолюбивые народы хотят мира и с презрением отвергают кровавые планы поджигателей новой войны.

Метро Варшавы

Проект одной из подземных станций Варшавского метро.

В Варшаве началось строительство метро. Во многих местах польской столицы уже можно видеть буровые установки. Здесь исследуется грунт.

Согласно постановлению Совета Министров Польши, до конца 1956 года намечено соорудить и сдать в эксплуатацию участок протяжением в 11 километров с 10 станциями. В 1957—1965 годах будут построены линии метро протяжением около 25,5 километра.

Варшава будет иметь перекрещивающиеся в центре столицы линии метро: Север — Юг, Северо-Восток — Юго-Запад и Восток — Запад.

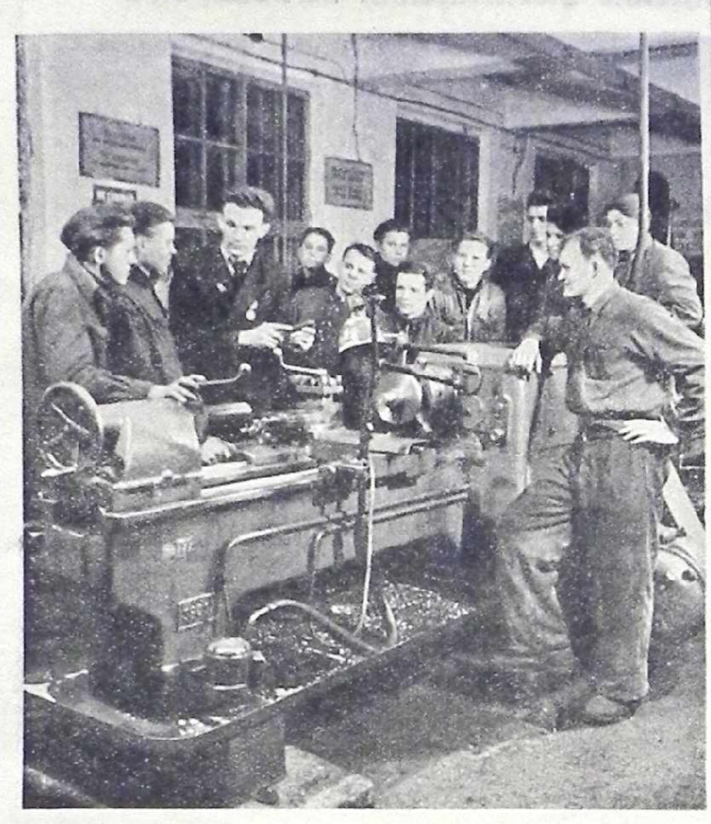
Для проектирования и строительства варшавского метро созданы специальные государственные предприятия «Метропроект» и «Метрострой».

Строители варшавского метро в своей работе опираются на богатый опыт и техническую помощь московских метростроевцев.

Мих. ЯРОВОЙ

Варшава.

По примеру новаторов

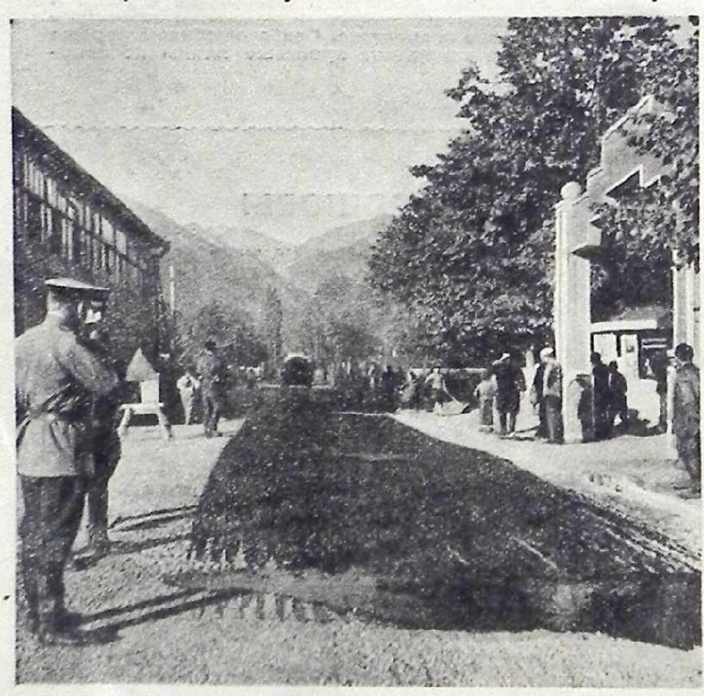

Недавно инструктор стахановских методов труда Клайпедского судоремонтного завода тов. В. Лисовский встретился с токарями Вильнюсского электротехнического завода «Эльфа». Он рассказал им о почине рабочих механического цеха своего предприятия, создавших бригаду скоростников. Затем тов. Лисовский продемонстрировал у станка методы скоростного резания металлов.

На снимке: Виктор Лисовский (слева третий) рассказывает токарям завода «Эльфа» об опыте своих товарищей.

Фото М. Реби

Асфальт у подножья гор

Автоцистерна с гудроном прошла по улице и остановилась у подножья горы.

Фото М. Поляновского

С каждой улицы районного центра — грузинского города Лагодехи, расположенного на самой восточной окраине Кахетии,— видны горы. Вершины их густо припудрены снегом, который редко и ненадолго появляется на улицах районного центра. Где-то поблизости грохочет камнедробилка. Измельченный ею камень устилает мостовые лагодехских улиц.

Тяжелые катки не спеша утрамбовывают и выравнивают слой раздробленного камня. Вслед за катком появляется автоцистерна, наполненная гудроном. Она стремительно проносится вдоль улицы, и черная масса, вытекающая из множества отверстий, в несколько мгновений заливает середину улицы. Машина доходит до подножья гор и здесь останавливается.

Некоторые улицы районного центра упираются в предгорья Главного Кавказского хребта, и асфальтовые дорожки, которыми одеваются одна за другой улицы Лагодехи, подходят почти вплотную к горам. Город застраивается новыми домами.

По Кольскому полуострову

Зимой рано опускается мгла на снежные поля Заполярья. Но упрямо, несмотря на сильный мороз, сквозь бурю и пургу, ориентируясь по компасу, прокладывает лыжню комсомолка Ирина Грабовецкая. За ней идут пять девушек и четверо юношей — ее товарищи по институту. У каждого за спиной в рюкзаке избирательная литература и поклажа, необходимая для дальнего перехода.

Комсомольцы студенты Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена под руководством старшего преподавателя В. В. Добковича совершили накануне выборов в Верховный Совет РСФСР 320-километровый агитационный поход по Кольскому полуострову.

Поход начался по льду живописного озера Имандра. Без дороги, пересекая леса, заходя во встречные колхозы, двигались смелые лыжники. Первый привал устроили в Мончегорске.

По вехам двинулись лыжники-агитаторы дальше. Восьмибалльный ветер валил с ног. Температура упала до 30 градусов ниже нуля. В 35 километрах за Мончегорском расположился лесной поселок Комсомольский. Отсюда юноши и девушки идут дальше — на участок лесозаготовителей. Тепло встречают молодых агитаторов рабочие, лесорубы, рыбаки, оленеводы. Со станции Пулозеро начинается самая тяжелая часть пути — 40 километров по заметенной снегом дороге. Отдых у радушных саамских оленеводов — и лыжники двигаются на север. Десять дней они ориентируются по компасу, не встречая ни одного человека. Ночуют на снегу, в палатках, при суровом морозе.

На четвертый день пути по безлюдной местности туристы увидели сияющие на солнце отроги Хибинского хребта. Еще четверо суток перехода по насту — и лыжники достигли южной оконечности озера Пайкун-явар. Через перевал Хукимсвум туристы-агитаторы спустились затем с полукилометровой высоты к заполярному городу Кировску.

Этот маршрут, помимо своего агитационного значения, носил и спортивный характер, как один из труднейших туристско-лыжных переходов.

И. ПИККИЕВ

МАСТЕРА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЗЬБЫ

Бук — твердое, с трудом поддающееся резцам дерево. Не всякий инструмент возьмет его. Но именно бук по своим качествам более всего подходит для художественной резьбы. Дерево не крошится, не имеет сучков, а его волокна и прожилки не являются для резчика помехой. Вот почему народные мастера художественной резьбы предпочитают буковое дерево.

К декаде украинского искусства в Москве группа харьковских мастеров «деревянной скульптуры» выполнила большое коллективное художественное произведение — трехстворчатый буковый стенд, отображающий великие победы советского народа, торжество идей Ленина — Сталина.

Народные мастера художественной резьбы В. В. Хитько (автор эскиза), А. А. Аснис, В. С. Демченко и И. Ф. Собинин с исключительным мастерством выполнили барельефные портреты Ленина и Сталина и всю художественную композицию. Работа получила на областной выставке народного творчества высокую оценку трудящихся.

ВАХТА СЕМЬИ БОГОМЯКОВЫХ

Пермская железная дорога. Станция Калино, крупный железнодорожный узел. По стальным путям мчатся поезда, груженные удобрениями из Березников и Соликамска, кизеловским углем, губахинским коксом, лысьвинской эмалированной посудой...

В эти дни здесь, в Калино, как и по всей стране, советские люди отмечают выборы в Верховные Советы союзных и автономных республик трудовыми успехами.

Когда спросишь у начальника станции тов. Лобок, кто идет впереди, кто достиг лучших показателей на вахте в честь выборов, он, не задумываясь, ответит:

— Семья Богомяковых.

Чем прославлена эта семья, что с таким уважением говорят о ней железнодорожники?

Мария Дмитриевна Богомякова, мать-героиня, воспитавшая одиннадцать детей, рассказывает:

— Вышла замуж я за Григория полвека назад. Жили мы тогда в Оханском уезде, в деревне Богомяково, Пермской губернии. Вошла я в большую семью — пятнадцать человек. А землицы крохи.

Положил Григорий в узелок хлеба да 50 копеек денег и поехал на заработки. Много он обошел заводов на Урале — не нужны были рабочие. С трудом устроился путевым рабочим на станцию Калино. Жалованье получал такое, что еле хватало сводить концы с концами. Пришлось мне на станцию в сторожа идти. Старик мой — умер он в 1949 году — 30 лет путевым обходчиком прослужил, да и я — 12 годов. И всё на станции Калино. Изменилась она за это время так, что и не узнать ее.

Калино — большой электрифицированный узел, где формируются поезда в четыре направления. Широко раскинулись многочисленные служебные здания, жилые дома. Ничто не напоминает тут прежней глухой станции. Там, где был лес, сейчас большой, залитый электрическими огнями поселок с прямыми улицами. Раньше детям приходилось ездить в школу за несколько километров, ныне для них построена своя железнодорожная школа. К услугам населения благоустроенный клуб.

За годы советской власти разительные перемены произошли и в семье здешних старожилов Богомяковых. Счастливо и богато зажила она. Самая большая радость и гордость Марии Дмитриевны — ее дети, внуки, пошедшие по пути отца и деда. Почти все они железнодорожники и работают тут же, на станции Калино.

Павел и Петр — близнецы. Вместе они начали свой трудовой путь на станции. Братья Богомяковы работают на одном стрелочном посту. Тысячи раз они сменяли друг друга.

Герасим Григорьевич Богомяков тоже когда-то работал стрелочником. Сейчас он дежурный по путям. Богатый опыт накоплен им за 33 года работы на станции.

Мать-героиня Мария Дмитриевна Богомякова.

Старший сын Марии Дмитриевны, Иван Григорьевич, железнодорожник с 35-летним стажем, служит на станции весовщиком. Младший сын, Василий,— шофер в леспромхозе, а жена его Александра — стрелочник на станции.

Работают на станции и внуки Марии Дмитриевны — Галина и Владимир.

Мария Дмитриевна не нарадуется на детей — у каждого своя семья, свой полный достатка дом. Восемь было у нее сынов и трое дочерей. Не все дожили до нынешних, счастливых дней. Николай, Павел и Константин — они также работали на станции Калино — погибли на войне.

Вечерами, когда собираются сыновья и внуки, Мария Дмитриевна, вспомнив павших в бою, гневно говорит о тех, кто готовит новую войну, кто посягает на мирную жизнь советских людей.

И. БОГДАНОВ

Внучка Марии Дмитриевны Галина Богомякова за очисткой стрелочного поста.

«ДИНАСТИЯ ЧАПАЕВЫХ»

— А, вот оно, чапаевское племя! — радостно воскликнул Александр Васильевич Чапаев, обнимая сына. Широкая, веселая улыбка озарила лицо отца, когда он взглянул на взволнованного встречей с родными Валентина.

Внук легендарного героя гражданской войны Валентин Чапаев приехал повидаться с родителями и общей любимицей семьи пятилетней Танюшей. Представитель третьего поколения «династии Чапаевых» верен традициям своей семьи — стоять на защите Родины. Несколько лет назад Валентин закончил Калининское суворовское училище, ныне он офицер, техник-лейтенант советской авиации.

Отец Валентина Александр Васильевич Чапаев был восьмилетним малышом, когда пришла печальная весть о героической гибели прославленного советского полководца. Незадолго до гибели Василий Иванович Чапаев заехал в село Вязовку, где жили его дети, потерявшие мать в начале гражданской войны.

Эта последняя встреча запомнилась Александру на всю жизнь. Отец беседовал с ним долго, рассказывал, как Красная Армия громит интервентов и белогвардейцев. Василий Иванович интересовался, знает ли Александр буквы, скоро ли сможет написать письмо; говорил, что надо хорошо учиться, чтобы не посрамить чапаевский род. И еще наказывал сыну: русский человек должен быть храбрым, всей душой ненавидеть врагов и нещадно их уничтожать.

Выйти на большой жизненный путь Александру Чапаеву помогли боевые друзья отца. С душевной теплотой и признательностью вспоминает он о прославленной чапаевской пулеметчице Марии Андреевне Поповой. Мария Андреевна окружала сына легендарного комдива трогательной материнской заботой. Большое участие в его воспитании принимал славный комиссар Чапаевской дивизии талантливый писатель Дмитрий Андреевич Фурманов. Сын Василия Чапаева учился прилежно. Он успешно закончил школу-девятилетку и сельскохозяйственный институт.

— И все же, — говорит Александр Васильевич, — уже получив диплом агронома-зерновика, я пошел добровольцем в Красную Армию. Это было в 1933 году. Сердцем ощутил, что нет у советского человека более священного долга, чем защита социалистической Отчизны...

Когда разразилась Великая Отечественная война, коммунист Александр Чапаев героически защищал столицу нашей Родины Москву. Он начал войну в звании капитана, командира дивизиона, а закончил полковником, командиром гвардейской артиллерийской бригады.

Сейчас дни Александра Васильевича заполнены воспитанием воинов Советской Армии. Полковник любовно передает им свой богатый боевой опыт. Примечательно, что Александр Васильевич не забросил и второй своей специальности, часто отдавая ей часы досуга. Добрую половину книг в его библиотеке составляют труды выдающихся советских ученых в области сельского хозяйства.

Александра Васильевича Чапаева, как и на прошлых выборах, выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета Украинской ССР по Рава-Русскому избирательному округу.

Е. КРЫЖАНОВСКИЙ

Александр Васильевич Чапаев у бюста своего прославленного отца.

А. А. Киселев

(1838 — 1911)

А. А. Киселев кончил Петербургскую академию художеств в 1864 году со званием классного художника III степени и впервые показывался на выставке в академии год спустя, а затем исчез с художественного горизонта. Он уехал в Харьков, обзавелся семьей и служил чиновником в банке.

Когда 1-я передвижная выставка путешествовала по стране, она побывала и в Харькове. Произведения передвижников заставили Киселева возвратиться к живописи. Он дебютирует «Видом из окрестностей Харькова» на 4-й передвижной выставке и с этого времени до конца своей жизни неразрывно связан с Товариществом.

В 1897 году Киселев стал руководителем пейзажного класса в Академии художеств и оставался им до 1911 года, года своей смерти. Среди его учеников был И. Остроухов — автор «Сиверко».

В 1899 году Киселев был удостоен звания академика живописи.

«Его пейзажи я назвал бы самыми цельными, простыми, при всей строгости реальной правды и знания профессорски своего предмета, его картины имеют в себе нечто молодое, неувядаемое». Это отзыв Ильи Ефимовича Репина.

И в самом деле, пейзажам Киселева свойственна жизнерадостность, сильное чувство. Художник умеет выбрать интересный, красивый сюжет. Пишет он законченно, умело, впечатлительно. Из его больших полотен наиболее известны «С горы» и «Сурамский перевал».

Киселев много выступал с критическими статьями и всегда отстаивал принципы искусства народного, искусства идейного. Он был одним из организаторов «Северного кружка любителей изящных искусств» в Вологде.

Киселев с равным успехом работал масляными красками и акварелью. Мы публикуем два произведения художника, хранящихся в Акварельном фонде Государственной Третьяковской галереи.

После смерти Киселева был выпущен альбом его работ. Во вступительной статье Репин писал:

«Дорогой наш товарищ, твоя доля впереди... пройдет эпидемия идиотизма и дикой безвкусицы и безвкусия, уплывет в Лету вся шелуха лепрозы кубистов-футуристов и твои благородные изящные картины и картинки будут высоко цениться...»

НАРОДНЫЙ ПИСАТЕЛЬ

У могилы писателя С. П. Подъячева.

Фото Л. Савенко.

В феврале советская общественность отмечала 85-летие со дня рождения Семена Павловича Подъячева. Писатель-самоучка, он прожил тяжелую, полную лишений жизнь. В поисках заработка ему пришлось скитаться по Руси и переменить ряд профессий. Много лет С. П. Подъячев прожил в деревне. Он создал яркие произведения, в которых показал все тяготы жизни людей труда при капитализме и особенно в деревне.

Семен Павлович Подъячев, говорил А. М. Горький, «выдержал суровый экзамен на крупного и полезного стране своей человека и рассказал нам о жизни деревенской много такого, чего другие не могли рассказать. Его имя останется в истории русской литературы, как имя человека, изобразившего деревню во всей ее жути...».

Настоящая творческая жизнь, полная больших замыслов, началась для писателя после Великой Октябрьской социалистической революции. В 1918 году С. П. Подъячев вступил в ряды коммунистической партии.

«Счастлив, — писал он в своей автобиографической повести «Моя жизнь», — что мне пришлось жить в первые незабвенные годы революции, и счастлив тем, что в нашем трудовом улье есть маленькая частица и моего меда».

...В семидесяти километрах от Москвы, в одном из уголков Коммунистического района, раскинулось на высокой горе село, носящее теперь имя С. П. Подъячева, умершего 17 февраля 1934 года. Неузнаваемо изменились места, в которых жил и работал писатель. Земляки его, колхозники Коммунистического и Дмитровского районов, с гордостью говорят, что та светлая жизнь, о которой мечтал до революции С. П. Подъячев, наступила. В самых отдаленных деревнях имеются школы, больницы, клубы, библиотеки. Электричество озарило колхозные села.

Ив. ПОДЪЯЧЕВ

Новая порода животных

Советская биологическая наука, вооруженная методами творческого дарвинизма, помогает не только совершенствовать и улучшать породы сельскохозяйственных животных, но и выводить новые породы, повышать продуктивность скота, управлять его ростом, регулировать пол потомства.

Новая порода тонкорунных овец — казахский архаромеринос — удачно сочетает в себе лучшие качества родителей. От отца — дикого горного барана — он унаследовал неприхотливость, ловкость, приспособленность к жизни в высокогорной местности, от матери — мериносовой овцы — однородную шерсть, молочность, мясистость.

Зимой и летом архаромеринос пасется на альпийских лугах, не боится резкого ветра и холода. Это очень подвижное и красивое животное легко преодолевает крутые спуски и пробирается по сильно пересеченным склонам.

Метисные куры, полученные от скрещивания австралорпов и полосатых плимутроков с широко распространенными белыми леггорнами превосходят своих родичей по всем показателям. Живой вес такой метисной курицы достигает 2 килограммов 950 граммов. За шесть месяцев испытаний одна курица снесла 103 яйца по 55 граммов каждое...

Вопросами животноводства во всем их многообразии занималось совещание, созванное биологическим отделением Академии наук СССР. Было заслушано около 50 научных докладов. Ученые, съехавшиеся со всех концов Советской страны, рассказали о создании новых пород крупного рогатого скота в Киргизии, многоплодных смушковых овец на Украине, жирнохвостых овец в Азербайджане, свиней в Сибири.

Элитные баран и матка архаромеринос.

Метисная курица.

Мировые рекорды конькобежцев

Софья Кондакова.

Несмотря на то, что главные соревнования сезона еще не проведены, советские конькобежцы установили ряд новых всесоюзных и мировых рекордов.

Особый успех выпал на долю спортсменов, которые участвовали в состязаниях на приз Совета Министров Казахской ССР. Они происходили 4 февраля на новом катке общества «Искра», построенном в высокогорном районе, в урочище Медео, в 18 километрах от Алма-Аты.

Прекрасная погода и хорошее состояние льда позволили показать блестящие результаты.

Так, например, Софья Кондакова пробежала 500 метров за 47,6 секунды и установила новый рекорд страны — старый рекорд принадлежал с 1937 года М. Валовой. Кондакова прошла и тысячеметровую дистанцию за 1 минуту 36,8 секунды, значительно перекрыв всесоюзный рекорд Марии Исаковой и мировой — норвежки Нильсен.

Замечательных результатов добился Владимир Прошин. Он великолепно прошел 5 тысяч метров и закончил дистанцию за 8 минут 23,5 секунды. Это новый рекорд страны.

13 лет назад А. Капчинский прошел 1 500 метров за 2 минуты 20,6 секунды. Этот отличный результат никто до сих пор не мог улучшить. И вот Прошин, а вслед за ним Кудрявцев, Пискунов и молодой Чайкин прошли эту дистанцию быстрее Капчинского. Результат Прошина — 2 минуты 17,2 секунды.

Интересно отметить, что в эти же дни в Полне (Румыния) рекорд Капчинского был побит Е. Гришиным и Ю. Головченко.

Следует сказать, что В. Прошин установил еще новый рекорд страны в сумме очков большого многоборья — 193,933.

11 и 12 февраля состоялись вторые соревнования сильнейших спортсменов страны. С. Кондакова вновь улучшила только что установленный ею же рекорд в беге на 500 метров. Свердловчанка Татьяна Карелина установила мировые рекорды в беге на 3 тысячи метров, 5 тысяч метров и улучшила мировой рекорд по сумме очков.

Великолепно прошла 1 500 метров Мария Исакова. Она также установила новый мировой рекорд с результатом 2 минуты 29,5 секунды. В последний день соревнований К. Кудрявцев вновь улучшил результат в беге на 1 500 метров. Его результат — 2 минуты 16,5 секунды. Советские спортсмены установили 5 мировых рекордов.

ТЕАТР АРМИИ

(К 20-летию Одесского театра Советской Армии)

Одесский драматический театр Советской Армии — один из старейших театров Вооруженных Сил СССР — был организован двадцать лет тому назад в Киеве. В состав его вошла небольшая группа опытных актеров-профессионалов и молодежь, обучавшаяся в театральных учебных заведениях. Из года в год накапливался опыт, расширялся репертуар.

Театр показывал свои спектакли на сценах Киева и Харькова, Винницы и Львова, в рабочих поселках Донбасса, на клубных площадках, в армейских лагерях, домах офицера.

Великая Отечественная война застала театр на западной границе, у стен старинного Львова. Юго-Западный и Сталинградский фронты — вот путь театра Советской Армии.

После войны театр был переведен в город-герой Одессу.

Театр не ограничивается стационарной работой, а выезжает в воинские части, причем не только в лагерный период, но и зимой. Воины Советской Армии внимательно следят за творческой деятельностью своего театра, пишут письма с пожеланиями и советами. Это свидетельствует о тесной связи театра со зрителем.

Большую роль в деятельности театра играют творческие конференции, на которых зрители обсуждают просмотренные ими спектакли. Кроме того актеры оказывают помощь армейской художественной самодеятельности, читают лекции по вопросам литературы и искусства.

В Одесском театре Советской Армии играют такие мастера сцены, как народный артист УССР Д. Голубинский, заслуженные артисты УССР А. Аркадьев, А. Максимов, А. Старицкий, К. Расс, М. Зимович, Л. Пикторская и другие. Художественное руководство театра возглавляет заслуженный деятель искусств Туркменской ССР В. Федоров.

Актеры театра с честью оправдывают высокое имя Театра Советской Армии.

А. ЛОМОНОСОВ

Сцена из спектакля «Полководец Суворов» в Одесском драматическом театре Советской Армии. Перед взятием Измаила. В роли фельдмаршала Суворова заслуженный артист УССР А. Максимов.

Спортивные состязания на Чукотке

Береговому чукотскому охотнику в пургу иногда легче убить белого медведя. Пастуху из чукотской тундры при сильных ветрах приходится больше бегать, собирая встревоженных оленей.

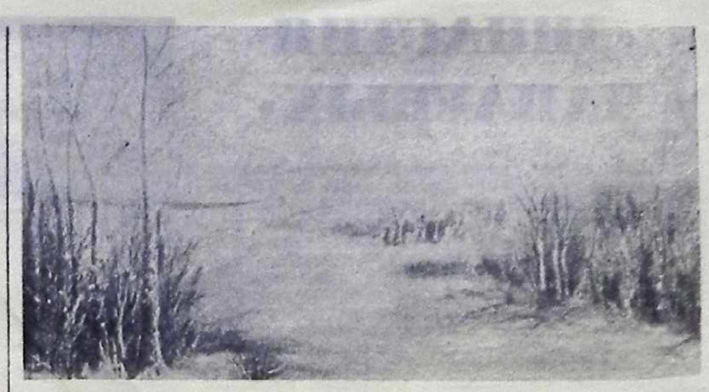
У старых пастухов есть гордая поговорка: в ясную погоду и глупый олень бегает быстро. А в пургу человек должен быть проворнее оленя. На то он человек!..

И поэтому на Чукотке пурга и мороз не препятствие для национальных спортивных состязаний и игр. За много десятков, а порой и за сотни километров к условленному дню съезжаются на собаках и оленях охотники и пастухи для участия в спортивных состязаниях.

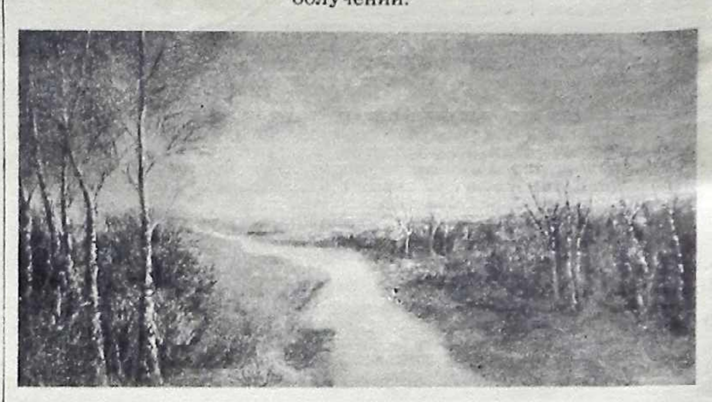
Один из любимых видов спорта на Чукотке — бег с палкой на длинные дистанции. В празднества, посвященные 20-летию советской Чукотки, пурга в Анадыре — центре Чукотского национального округа — не помешала пастухам устроить соревнования в беге с палками на 15 километров.

На снимке: Победитель этого соревнования колхозник артели имени Сталина тов. Этленаун.

Фото Д. Губера

Здесь даны репродукции одного и того же пейзажа. Наверху — при обычном освещении, внизу — при ультрафиолетовом облучении.

Чудесные краски

Хмуро зимнее утро военной Москвы. Пустынны улицы. Снег запорошил мост, набережную, скованную льдом реку. Строг и величественен Кремль...

Но вот лед дрогнул, стал растворяться, и заблистала прозрачная вода. Огни набережной, светящиеся ракеты, лучи прожекторов, прорезающие ночное майское небо, отражаются в синеве реки.

С трудом верит зритель такому чудесному превращению. В течение нескольких секунд на его глазах неузнаваемо изменилась картина — изменились краски, колорит, самый сюжет. Вместо сурового зимнего пейзажа Москвы 1941 года перед зрителем предстало полотно, где яркими, сочными мазками изображен салют Победы 9 мая 1945 года.

Такие чудесные превращения показывает выставка люминесцентной (светящейся) живописи, где собраны работы коллектива художников лаборатории-мастерской (руководитель — Е. Мандельберг).

Люминесцентная живопись основана на использовании люминофор — светящихся красок,— бесцветных при обычном освещении, но становящихся видимыми под влиянием ультрафиолетовых лучей.

На осенней ярмарке в Будапеште в 1949 году было экспонировано 40-метровое светящееся панно. Это была карта, показывающая осуществление великого сталинского плана преобразования природы. Когда на эту карту направляли ультрафиолетовые лучи, все менялось: на месте желтых пустынь зеленели лесозащитные полосы, появлялись оросительные каналы, плотины, водохранилища, пробивался молодой кустарник.

В лаборатории разработан метод, позволяющий сочетать светящиеся краски с обычными. На этом и основаны трансформирующиеся пейзажи, которые показаны на выставке.

Применение люминесценции в живописи впервые осуществлено у нас в Союзе. Светящаяся живопись ныне широко используется в театре, особенно при постановке сказок, для живописного решения спектакля.

И. СЕМЕНОВА

В СОЦГОРОДЕ СИНАРСКОГО ЗАВОДА

Меняется облик уральского города Каменск-Уральский. Недавно в соцгороде Синарского трубного завода появился новый большой жилой дом. Шестьдесят семей рабочих и служащих завода отпраздновали здесь свое новоселье.

Фото Г. Попова

Атмор—американский Дахау

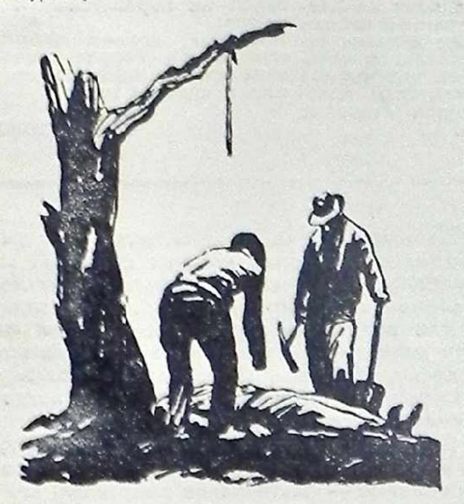
Алабамские палачи!.. Восемь черных рабочих — ваши враги, но эти враги завтра будут сильнее вас. Задумайтесь и наберитесь страха. У истории длинная память...

Алексей Толстой (из статьи, посвященной судьбе восьми юношей из Скоттсборо).

Хэйвуд Паттерсон говорит правду

«Временами мы выкапывали человеческие кости... Охрана била заключенных палками, и часто до смерти. Об этом никто не говорил за пределами тюрьмы. Я видел много скелетов и около других тюрем. Сколько раз, бывало, мы натыкались на человека, висящего на дереве. Никто не знал, кто его вздернул и за что. Потом труп просто снимали и зарывали на арестантском кладбище...»

Откуда это? Из материалов Чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний гитлеровцев? Или, может быть, это показания узника Дахау? Нет! Это картина из жизни Америки наших дней.

Для того, чтобы ответить на этот вопрос более полно, нам придется хотя бы в нескольких словах напомнить печальную историю восьми негритянских юношей из Скоттсборо. Двадцать лет назад эти восемь ни в чем не повинных людей были приговорены к смерти. Американские судьи предъявили им ложное обвинение, и палачи уже готовились к казни, когда во всех странах поднялась буря гнева и протеста против расистского изуверства. В защиту негритянских юношей выступили Максим Горький, Ромэн Роллан, Эйнштейн, Томас Манн и многие другие выдающиеся общественные деятели. Суд должен был отступить. Смертная казнь была заменена разными сроками заключения.

Хэйвуд Паттерсон — один из узников Скоттсборо. 17 лет провел он в тюрьмах штата Алабама и должен был провести в них еще 58 лет. Несколько раз он пытался бежать, но безуспешно. В 1943 году Паттерсон бежал, был настигнут охранниками, они избили его до полусмерти. Он чудом выжил, снова день и ночь работал в тюрьме-ферме Килби, а затем был переведен в лагерь смерти Атмор. Недавно он снова бежал, на этот раз более удачно.

Власти штата Алабама, где находится Атмор, узнав, что Паттерсон бежал, приказали во что бы то ни стало вернуть узника в лагерь смерти. Особенно волновался губернатор Алабамы Джеймс Элиша Фолсом — Большой Джеймс, как называют его друзья. Большой Джеймс был встревожен бегством Паттерсона не только потому, что узник унес с собой так тщательно сохранявшуюся в течение многих лет тайну Атмора — американского Дахау. У губернатора для беспокойства были еще другие, не менее важные причины, о которых мы скажем несколько ниже.

В погоню за Паттерсоном, как обычно в таких случаях, были посланы охотники со сворой гончих собак. Хэйвуд Паттерсон уже слышал за собой их ужасный, захлебывающийся лай... «Если человека удавалось поймать,— рассказывал впоследствии Паттерсон,— на его шею надевали петлю и тащили на аркане за скачущей лошадью».

Своры собак и охранники не догнали Паттерсона. Он вырвался из штата Алабама и вскоре появился на Севере. Здесь он долгое время скрывался от полиции, которая его искала по требованию губернатора Фолсома. Агенты ФБР нашли Паттерсона и уже готовились его вернуть в Атмор. Однако под давлением передовой американской общественности Паттерсон был освобожден. Вскоре ему удалось встретиться с видным прогрессивным журналистом и писателем Эрлом Конрадом.

SCOTTSBORO BOY
HAYWOOD PATTERSON and EARL CONRAD

Хэйвуд Паттерсон рассказал своему новому другу о жизни в Атморе и других тюрьмах Алабамы. Для Конрада, как и для миллионов и миллионов американцев, этот рассказ не был откровением. И все же история Паттерсона потрясла его до глубины души.

Вместе с Паттерсоном они решили написать правду об Атморе. Они назвали свою книгу «Юноша из Скоттсборо». «Дейли уоркер» впоследствии отметила, что это книга «о демократии Трумэна — Гувера, как она есть, это рассказ об Америке, которую создали денежные мешки...»

Многие читатели «Дейли компас», где начала печататься с продолжением повесть Конрада и Паттерсона, читали эти отрывки и не верили своим глазам.

— Это Германия 1943 года,— говорили они с ужасом,— это копия Дахау и Майданека! Но Паттерсон говорит: нет, к несчастью, это Америка 1950 года. Он называет фамилии, имена, даты, в его руках документы и факты, факты, факты!.. Повесть продолжает печататься, и все понимают: речь идет не о Германии Гитлера — Гиммлера, а об Америке Трумэна и прочих, Америке наших дней...

«Американцы в свое время ужасались рассказам о зверствах нацистов,— пишет Абнер Берри в журнале «Мэссис энд мейнстрим».— Читая книгу Паттерсона, европейцы, конечно, почувствуют то же, что и американцы. Эта книга звучит как предупреждение гражданам Америки... Тюремные условия угрожают всей нации».

О чем же рассказал Паттерсон Эрлу Конраду? В чем состоит тайна Атмора? И почему, наконец, Джеймс Фолсом, губернатор Алабамы, волновался больше других?..

«О босс, не приказывай мне садиться!»

Пленники Атмора круглый год трудятся на 8 тысячах акров земли. Они трудятся, как рабы. Заключенные сеют и собирают все, что может вырасти на богатой почве Юга: пшеницу, кукурузу, хлопок, рис, картофель.

Охранники с карабинами стоят над людьми от восхода солнца и до заката.

— Это было тяжело,— рассказывал Паттерсон.— Это нельзя было назвать, собственно, работой. Я быстро понял, через какие мучения прошли мои предки во времена рабства. Мы работали весь день в жару и в холод.

— Чем вы питались? — спрашивал Эрл Конрад.

— Иногда мы ловили белку,— с горькой улыбкой рассказывал Паттерсон.— Ребята мне говорили, что полевые крысы, если привыкнуть, похожи вкусом на цыплят. Я знал одного парня, его звали Вилли Джиллеспи. Поймав крысу, он тут же съедал ее.

— Чем же все-таки вас кормили? — допытывался Конрад.

— Наша пища... Знаете, что это такое? Это нельзя ни с чем сравнить... Часто, очень часто мы отказывались это есть, хотя были страшно голодны, до боли голодны. Тогда охрана выбрасывала все это свиньям. Я видел много раз, как свиньи отворачивали рыла от такой пищи и отходили прочь. Белые арестанты подняли однажды бунт против такой пищи...

Нельзя было работать слишком быстро, но нельзя было работать и слишком медленно.

— Позволь, как так? — спрашивает Конрад.

Он хочет быть в этой книге абсолютно точным — ни одного слова преувеличения.

— Тебе дают взбучку за медленную работу,— поясняет Паттерсон,— но если ты вырвешься вперед и начнешь обгонять других, охране может придти в голову мысль, что ты пытаешься бежать, и она начнет стрелять...

Если охранник в чем-нибудь заподозрит заключенного, он с притворной ласковостью обращается к нему:

— Ол райт, дружище, подойди сюда. Садись!

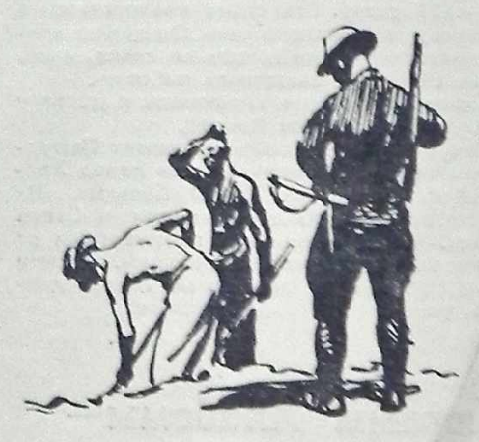
Заключенный знает, что это такое.

— О босс, не приказывай мне садиться! — умоляюще говорит он.— Я работаю изо всех сил, как только могу. Не посылай меня туда, пожалуйста, босс!

Охранник не слушает. Он вызывает уоттербоя — «водяного мальчика» — и приказывает ему делать свое дело. Собирается тюремное начальство. Несчастного накачивают водой. Потом его бросают в глубокую канаву и бьют палками по голове, как только он вынырнет.

На этом пытка не оканчивается. Заключенного заставляют просунуть голову в окно автомобиля и подкручивают стекла сверху и снизу плотно к шее — так, чтобы он не мог повернуть голову. Один охранник регулирует стекла, второй бьет пленника по голове, третий — по туловищу...

— Многие узники Атмора,— говорит Паттерсон,— заболевают психически. Их надо бы

поместить в больницу и лечить. Но они работают в лагере наравне со всеми. А сколько раз случаются кровавые драки! Сумасшедших намеренно натравливают на здоровых.

Ты защищаешься от сумасшедшего? О, это плохо! Очень плохо. Теперь за тобой закрепляется репутация строптивого арестанта. Удары ножом и убийства каждый день, каждую неделю...

— Ну, а если ты отказывался от работы? — спрашивает Эрл Конрад.

— Со мной было так.— Паттерсон садится напротив своего друга и, глядя ему прямо в глаза, отвечает: — Меня завели в подвал, т...

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

На страже мира

Тем, кто грудью встретил первый удар гитлеровцев, кто первым высоко поднял на заре 22 июня 1941 года знамя священной борьбы с иноземными захватчиками, посвящена документальная повесть львовского писателя В. Беляева «Граница в огне».

Сдержанно, без прикрас рассказывается в этой книге о судьбе рядовой Тринадцатой заставы. В том, что произошло у села Скоморохи, отражен бессмертный подвиг всех наших застав на фронте — от Черного до Баренцова моря,— в этом сконцентрированы типичные черты людей советских Погранвойск, тридцатилетие которых ныне исполняется.

О заставу лейтенанта Лопатина и о десятки подобных застав разбивались надежды гитлеровцев на молниеносную войну, на легкий и бескровный путь в глубь России. Тот предметный урок, который был дан пограничниками отборным фашистским частям, явственно показал, что не так страшен черт, как его малюют.

Превосходство врага в живой силе и технике не поколебало монолитности, единства небольшого коллектива советских людей. Фольварк стал крепостью, окна ленинской комнаты — бойницами, подвалы — лазаретом и убежищем для детей и женщин. Железная воля и военное мастерство молодых офицеров сделали невозможное: горсточка смельчаков, вооруженная гранатами и пулеметами, вступила в бой с танками, пушками и минометами «покорителей Европы».

Гитлеровцы не могли подавить заставу ни минометами, ни огнем из орудий. Под обломками дома, в ходах сообщений жили и продолжали сопротивление пограничники.

Они сражались до последнего патрона, не покидая вверенной им границы. И слава о героях Тринадцатой пошла по всему фронту, вдохновляя солдат на героические подвиги во имя Родины.

Ни на один миг не чувствовали защитники заставы обреченности, не считали себя покинутыми. О них помнили крестьяне молодого колхоза над Бугом и, рискуя жизнью, приносили смельчакам хлеб, они же приютили женщин и детей с заставы. Пограничники учили крестьян Западной Украины жить по-советски, учили их работать дружным коллективом. И старания пограничников не пропали даром: жители окрестных сел многому научились у тех людей, которые не только охраняли их мирный труд, но и вдумчиво помогали им стать на путь новой жизни.

Там, где сражались пограничники, сегодня снова встала застава. Ей присвоено имя лейтенанта Алексея Лопатина. И снова пограничники живут в дружбе с украинскими колхозниками. Дружат они и с польскими пограничниками, вставшими на тех землях, откуда когда-то прорвались орды Гитлера.

Хранители государственных границ оберегают от посягательств агентов поджигателей войны мирный, созидательный труд народов. Читатель может ощутить трудности, с которыми приходится сталкиваться пограничникам, проникнуться напряженностью их будней, если он прочтет книгу рассказов Льва Линькова «Обыкновенная операция».

Эти рассказы посвящены «малым боям» пограничников, повседневной службе мира в горах и песках Средней Азии, в океане у Курил и в снежной тундре у Аляски. Это рассказы о мужественных патриотах, об их высокой нравственной силе, крепкой дружбе, стальной воле. Пограничники стойко выдержали первый удар вероломного врага.

Фронтовики знают, что пограничники были ударными полками на всех направлениях Отечественной войны. И вот о тех «будничных» событиях на заставах, в которых закаляются эти чистые и волевые характеры, повествует небольшая книжка Льва Линькова.

...Котики Тихого океана притягивают к себе бизнесменов с большой дороги. Капитан-лейтенант Мугаров с товарищами сторожит наперекор штормам наши морские просторы, оберегая убежища котиков от японских и американских диверсантов.

Часть рассказов посвящена довоенным событиям.

...В горах Средней Азии по узким тропам едут двое пограничников с бесценным грузом. Для того, чтобы в срок доставить его к самолету, они рискуют жизнью, выбиваются из сил на высокогорных перевалах. Они везут морозоустойчивые саженцы диких яблонек для И. В. Мичурина.

...В песках погибает от жажды отряд, идущий на выручку добровольцам, громящим басмачей. И когда даже проводник считает бесцельным искать воду в тридцатиметровом сухом колодце, парторг Булатов упорно продолжает поиски, находит, в конце концов, воду и спасает товарищей.

Кажется, что в этих «прозаических» делах пограничников нет того героизма, который волнует нас в подвиге героев Лопатинской заставы. Но если мы вдумаемся в прошлое лопатинцев, то нам станет ясно, из чего выковывался их поразительный героизм.

Истоки его — в упорной, ежедневной борьбе с коварным врагом, посягающим на мир и счастье народа.

С. ГУДЗЕНКО

Владимир Беляев. «Граница в огне». Воениздат. 1949. 96 стр. Ц. 1 р. 25 к. Радянський Письменник. Киев. 1950. 152 стр. Ц. 4 р. 75 к.

Лев Линьков. «Обыкновенная операция». Рассказы. Воениздат. 1950. 64 стр. Ц. 50 к.

нули к стене, прижали, и, не успел я оглянуться, как руки мои оказались прикованными к решетке. Стоять в таком положении было хуже, чем любая работа при самом худшем надсмотрщике...

В Атморе есть старые узники. Некоторые из них работают на тюремных полях по 15, 20 и даже 30 лет. Они могут рассказать об условиях лагерной жизни еще в те дни, когда заключенные добывали уголь около Бирмингама. Один старик, Нат, умер, пробыв в Атморе 35 лет. Умирая, он произнесли только три слова: «Ходжес, будь проклят!»

Тюремные власти очень ценили Ходжеса — лагерного врача.

— Это был, действительно, незаменимый человек,— с иронией говорит Паттерсон.

Однажды за какой-то проступок Хэйвуд Паттерсон был приговорен тюремным начальством к 21 удару. Его спина превратилась в сплошную кровоточащую рану. Он долгое время не мог сидеть или лежать на спине, и его в таком состоянии заставляли работать.

— Почему же вы не обратились к доктору Ходжесу? — спрашивает Конрад.

— Это было бесполезно,— отвечает Паттерсон.— Каждое утро около 6 часов перед Ходжесом выстраиваются 75—80 больных. Из «осмотр» всех этих людей он тратит не более 30 минут. Человек мог быть полумертвым от болезни но он обязан был работать. Именно поэтому тюремное начальство так ценило доктора Ходжеса.

Тюрьмы Алабамы — это бизнес!

Узники Атмора работают до тех пор, пока не валятся на землю от полного изнеможения. Они выращивают хлопок, но ходят полуголыми. На тюремных плантациях снимаются богатые урожаи риса, ирландского картофеля, кукурузы, но заключенные всегда голодны. На ферме есть скот — коровы, овцы, свиньи,— но заключенные Атмора не видят мяса: лишь изредка положат им на алюминиевые тарелки кусок тухлой свинины, кишащей червями.

— Кто же пользуется плодами труда заключенных Атмора, тюрьмы Килби и многих, многих тысяч арестантов других тюрем Алабамы?

Паттерсон отвечает:

— Кто-то извлекает большие барыши из всего того, что производим мы, заключенные. Сколько из вырученных денег идет на содержание Атмора? Сколько идет в карман администрации тюрьмы, связанной со своими друзьями-бизнесменами? Нелепо даже ставить этот вопрос. Тюрьмы в Алабаме — это бизнес!

Здесь и следует вернуться к губернатору Джеймсу Элиша Фолсому.

Этот огромный скуластый черноволосый мужчина установил в свое время контакт с «деловыми кругами» и сделал карьеру, занимаясь страховым делом. Ему 42 года. Он считает себя либералом. Среди обещаний, которые он раздавал избирателям перед выборами, были такие: мощение дорог к рынкам, пересмотр конституции штата, минимум заработной платы для учителей.

Накануне выборов он обещал каждому человеку в штате «мир, счастье и процветание». Он немало сделал для «усовершенствования» тюрьмы Атмора.

Эрл Конрад и Хэйвуд Паттерсон с большой убедительностью показывают, что тюрьмы штата превратились в руках властей в орудия наживы. Во время уборки урожая на главный двор тюрьмы, по свидетельству Паттерсона, въезжали грузовики частных компаний штата Алабамы. Заключенные грузили на них мешки с зерном, овощами и другими продуктами. Они могли видеть на грузовиках названия фирм. Эти машины приходили и из других штатов — Георгии, Индианы, Флориды. Не поэтому ли волновался губернатор Фолсом, когда из Атмора вырвался узник Паттерсон?

Паттерсон и Конрад на фактах доказали, что Атмор — это не только тюрьма, где все заключенные — фактические смертники, это еще и кровавые доллары разжиревшего Фолсома и других влиятельных бизнесменов. Атмор — это не только лагерь пыток, дом сумасшедших и кладбище для заключенных. Они доказали также, что Атмор и прочие тюрьмы Алабамы — это налаженные частные предприятия, рабовладельческие плантации, чудовищные фабрики, где на крови и костях заключенных делают доллары фолсомы и их друзья-бизнесмены.

* * *

На юге США говорят, что тот, кто бежал из Атмора, заслужил свободу. Хэйвуд Паттерсон бежал, но каждую минуту он ждет ареста. Он знает, что об этом попрежнему печется Джеймс Элиша Фолсом.

Иногда, когда Хэйвуд Паттерсон лежит в маленькой комнате где-то на Севере, ожидая, что агенты ФБР постучатся в его дверь, он думает о своем народе там, на Юге. Он хотел бы поехать туда — он говорил об этом Эрлу Конраду и всем своим друзьям, помогающим ему скрываться. Он хотел бы поехать туда, быть среди близких, родных, жить там. Он мечтает о маленьком доме, семье, каком-нибудь занятии. Но не сейчас. Сейчас об этом можно лишь иногда помечтать. И только. Сейчас он хочет бороться, чтобы положить конец делу Скоттсборо, чтобы положить конец всем атморам — американским лагерям смерти.

Но что это? В его комнату кто-то грубо стучит...

Хэйвуд Паттерсон снова в руках своих палачей. Когда дописывались эти строки, из Нью-Йорка пришло сообщение, что Хэйвуд Паттерсон опять арестован.

К. НЕПОМНЯЩИЙ

О творческом содружестве

Б. ИОГАНСОН,

народный художник СССР

По окончании работы над нашей картиной «В. И. Ленин на III съезде комсомола» и после того, как она была выставлена в Третьяковской галерее, ко мне поступило множество запросов о том, как писалась картина и как я смотрю на метод коллективной работы. Постараюсь по возможности ответить на это.

И раньше мне приходилось уже возглавлять группы художников, работавших над одним большим произведением: первый раз это было панно для нью-йоркской выставки и второй — панно для московского павильона сельскохозяйственной выставки. Уже тогда я почувствовал и преимущества коллективной работы и ее тернии.

Успех коллективного труда зависит от ряда условий и прежде всего от удачного подбора работников. Конечно, в первую голову они должны быть талантливы. Об этом не приходится распространяться. Второе, и самое главное, надо, чтобы художники любили не себя в искусстве, а искусство в себе, понимая это, как служение художника народу. Если удастся создать такое содружество мастеров, успех работы обеспечен.

Третье условие: надо, чтобы бригада имела руководителя абсолютно авторитетного, за которым остается решающее слово. Каждый член бригады может и должен вносить свои предложения, обогащающие содержание картины. Все внесенные предложения могут и должны обсуждаться, но последнее слово остается за руководителем.

Вне этого я лично не представляю себе коллективной работы.

Перевоспитание личности человека в духе великих идей Ленина — Сталина, идей, овладевших массами и сплотивших их в едином стремлении к коммунизму, близко. Мы ежедневно чувствуем приход его по грандиозному размаху творчества советского народа, по тому, как постепенно спадает ржавчина старых понятий и предрассудков. Воплощение идей коммунизма в нашей жизни идет так успешно и таким темпом, что, очень возможно, и мы, люди старого поколения, будем еще жить и трудиться в коммунистическом обществе. Ведь когда мы встречаем восход солнца, мы наблюдаем сначала, как светлеет небо, как все ярче и ярче разгорается заря и вдруг неожиданно поднимается и сияет солнце...

Мы, педагоги, наблюдаем, как с каждым годом растет коммунистическое сознание учащейся художественной молодежи, которая жадно, со страстью занимается изучением марксистско-ленинской теории.

Имея перед глазами примеры жизни и деятельности величайших гениев человечества Ленина и Сталина, мы обогащаем себя не только знаниями, пониманием законов развития общества. Мы формируем свою личность в духе новой, коммунистической морали.

Для нас, людей искусства, это значит, прежде всего, избавиться от мелкого себялюбия, которое так тормозит общий поступательный ход искусства. А сделать это трудно, ох, как трудно! Это самый главный тормоз в нашем движении вперед. Преодолев его, мы осознаем, что наш труд — только часть общего грандиозного труда по построению коммунизма и что чем больше каждый из нас сделает для достижения этой великой цели, тем больше приобретет для себя как личности. Не скрою: в нашей бригаде тоже сначала приходилось для пользы дела ломать себялюбие, но потом мы неплохо сработались.

Расскажу вкратце о том, как создавали мы картину. Мысль написать большое полотно «Ленин и комсомол» зародилась у меня давно. Комитет по делам искусств дал совет осуществить работу коллективно. Я зажегся этим, собрал группу молодых художников.

Обычно до сих пор все съезды, собрания писались фронтально, то есть на первом плане были участники собрания, а в фас показывались только президиум и выступающие. Есть и другое решение: все показывается в профиль.

Мне хотелось найти такую композицию, которая обеспечила бы максимальные возможности показать людей в фас.

Было решено писать сюжет как бы с точки зрения зрителя, что называется «из-за кулис» — съезд происходил в зрительном зале бывшего клуба Московского купеческого собрания. Встал вопрос: а как при этом изобразить Ленина, обращающегося с речью к комсомольцам, сидящим в зрительном зале?

Изучение опубликованных воспоминаний участников III съезда комсомола помогло найти ключ к верному решению. Как было дело? Комсомольцы ждали Ленина, пели песни. Когда появился Ленин, его сначала не узнали. Он был в пальто и кепке. Но вот Ленин разделся, обнажилась его характерная голова мудреца — зал загремел от нескончаемой овации.

Владимир Ильич держал за кончик цепочки часы, указывая пальцем на время. Наконец зал затих.

В своей речи, а по существу, беседе с комсомолом, Владимир Ильич так и определил свое выступление — он задал вопрос: как вы думаете, какая основная задача стоит перед вами — Союзом коммунистической молодежи?

Делегаты задумались: «Какая же основная наша задача? Вероятно, покончить с гражданской войной? Добить Врангеля?» И вдруг неожиданно для всех Ленин говорит: «...задача состоит в том, чтобы учиться».

Задушевный тон выступления Владимира Ильича придал комсомольцам смелости. И вот некоторые из них начали постепенно из битком набитого зала пробираться за кулисы, чтобы лучше слышать и ближе видеть любимого вождя. Незаметно стерлась грань между зрительным залом и сценой. Ленин очутился в кольце горящих глаз, взволнованных лиц нашей советской молодежи.

В время речи Ленин ходил вдоль сцены, слева направо и обратно. Это обстоятельство помогло окончательно решить композицию. Оно дало возможность изобразить Ленина в профиль.

Для работы над картиной я пригласил принять участие художников Соколова, Тегина, Чебакова и Файдыш-Крандиевскую.

Побывав на сцене театра Ленинского комсомола (бывшее здание Купеческого клуба) в летнее время, когда театр был на гастролях, мы наметили костяк композиции, нашли основную точку зрения, места расположения групп и планов.

Приступили к писанию этюдов. Но у каждого было беспокойство о том, что основного разработанного эскиза все-таки нет, а заняться этим делом вплотную уже невозможно: время подпирает. И решили писать на холсте прямо с натуры.

Это было вызвано краткостью времени: не всегда решение композиции прямо на холсте получается удачно.

Работа вначале шла трудно, пришлось переписывать заново многие детали, одним словом, проект и здание строились одновременно. И тем не менее другого выхода не было: мы взяли обязательство участвовать в выставке.

Если меня спросят, предпочитаю ли я тот метод работы, когда не спеша, обдуманно, годами пишется картина, длительное время вынашивается идея, собираются многочисленные этюды к детально разработанному эскизу, потом рисуется картон, затем сюжет переводится на холст, идет переписка по всем правилам, рекомендованным знаменитыми и менее знаменитыми мастерами, конечно, я отвечу: «Да», — но холоден будет мой ответ.

Или кровь у нас другая, советская, или темп жизни нашей есть полет птицы, но годы работы над одним произведением для нас — не всегда подходящее дело. Спешка вредит делу, когда это истерика растерявшегося человека, переоценившего свои возможности. Но когда срок обозначается в едином темпе с биением сердца твоего и твоих соотечественников, — то это будет наш, выработанный советской жизнью стиль работы. Важно, чтобы запылал костер, а темпы сами вырастут такие, какие нужны для дела.

В заключение скажу: работали дружно, с азартом, не боялись счищать с холста отдельные удачи, если они вредят целому, в горячке работы поругивались иногда друг с другом (не без этого же!), а потом, когда стали утирать пот со лба, сели отдохнуть, глянули на картину, а она в основном кончена. Взглянули на часы, и время подошло.

Пограничная весна

Владимир ЛУГОВСКОЙ

Снег внизу недавно стаял.
Скалы в корке ледяной.
Пролетают птичьи стаи —
Возвращаются домой.
Из окна комендатуры —
Горы в чистом серебре.
Гармонисты-балагуры
Отдыхают на дворе.
Волны влажного простора.
Все весной разметено.
«Алитет уходит в горы»
Будет вечером в кино.
Но в ковры весенней шири
Нить тревоги вплетена,
Хоть лежит в глубоком мире
Пограничная страна.
Здесь секреты и дозоры
И штабной скрипучий стол...
Алитет уходит в горы...
Он для нас давно ушел.
А напротив, за рекою,
Он живет и видит свет.
Он не ведает покоя,
Тот турецкий Алитет.
Он ползет в кромешном мраке
Вплоть до утренней звезды.
Пограничные собаки
Нюхают его следы.
Как паук, он тянет нити,
Паутину без конца.
Он, спустив предохранитель,
Целит в нашего бойца.
Получает он награды
От разведок, стар и зол.
Он к вершине Арарата
Экспедицию привел.
Там, где льдов седые стены
Синяя венчает высь,
Из Нью-Йорка джентльмены
Фотосъемкой занялись.
Там ковчег библейский ищут.
Время мчится. Много лет.
Враг ли рыщет, пуля свищет —
Жив турецкий Алитет.
А поток событий мчится...
Не уйдет шпион и вор,
Если ночью на границу
Он сорвется с дальних гор.
Золотое солнце брызнет
Над вершинами громад,
Заглядится на отчизну
Седовласый Арарат.
На границе птичьи хоры...
Воздух звонкий, как вино.
«Алитет уходит в горы»
Будет вечером в кино.

Они не будут пушечным мясом для янки

ВЛАДИМИР РУДИМ

«Ремилитаризация — без нас!» — гласит надпись на здании вокзала в Дюссельдорфе.

«ПАРТИЗАНЫ МИРА»

На площади Люстгартен в Берлине курились жертвенники, окруженные множеством венков. На черно-алых лентах горели золотые буквы: «Вечная память жертвам фашизма».

В строгом молчании проходили колонны демонстрантов, склоняя знамена перед памятью тех, кто отдал свою жизнь в борьбе против фашистской тирании, за мир и братство народов.

Людской поток непрерывно вливался на площадь. И все сразу обращали взор к ступенькам старого музея. Там, на носилках, до подбородка укрытая простыней, лежала девочка лет четырнадцати. Ее голова была забинтована, сквозь марлю проступала кровь.

Это была Аннелиза Кох, ученица 4-й средней школы Нейкельна, американского сектора Берлина. Полчаса назад на секторской границе у Потсдамерплац штуммовские полицейские жестоко избили ее. Они нашли у Аннелизы бюллетени, под которыми она собирала подписи за мир, против превращения Западной Германии в арсенал и казарму для американских военных авантюр в Европе. Девочка расплатилась своей кровью за дело мира, которое в Западном Берлине и Западной Германии считается преступным.

Случай с Аннелизой Кох — одно из многочисленных свидетельств того, какому террору подвергаются в немецкой вотчине американо-английских империалистов сторонники мира. Против них направлены полицейские дубинки, закон, ничем не отличающийся от гитлеровского, для них уготованы тюрьмы и концлагери.

М, молодой рабочий крупнейшей гамбургской верфи, пять раз подвергался арестам за участие в демонстрациях против ремилитаризации. Будучи в Берлине, он поведал нам о том, как рабочие борются за мирную, демократическую Германию там, на Западе, где хозяйничают англо-американские империалисты.

— Ремилитаризация Западной Германии означает войну,— говорит М.,— а что такое война, гамбуржцы хорошо знают. Наш город разрушен бомбардировками. Мы живем в подвалах и бараках, в то время как для оккупационных войск строятся новые казармы и особняки. Городские власти, издеваясь над трудящимися, начали восстанавливать на средства налогоплательщиков огромный памятник милитаристу Бисмарку.

Рабочие нашей верфи, — продолжает М., — неустанно всеми способами борются против поджигателей войны. Ежедневно на стенах верфи появляются листовки. В них говорится, что американо-английские оккупанты потребовали от Западной Германии 800 миллионов марок дополнительных оккупационных расходов лишь на период с декабря 1950 года по март 1951 года; если эти средства обратить на мирные нужды, то в день это составит стоимость постройки ста трехэтажных каменных домов! А один день войны в Корее обходится много дороже, чем все средства на социально-бытовые нужды, отпущенные в Западной Германии в течение пяти лет...

Недавно на верфи «Дейчланд» было проведено среди рабочих голосование по вопросу о ремилитаризации. Из 3 600 опрошенных рабочих 3 310, т. е. 92 процента, безоговорочно высказались против вооружения Германии.

Мы слушали рассказ и другого гамбуржца, портового грузчика.

Грузчик говорит, что в Гамбург прибывают пароходы с американским и английским вооружением, но портовики отказываются их разгружать.

Он показывает нам небольшой лист бумаги с коротким текстом: «Мы, портовые рабочие разных стран, даем клятвенное обещание всеми мерами бороться против транспортировки и выгрузки военных материалов». Дальше следуют подписи австралийца, англичанина, немца, француза, итальянца, норвежца.

На маленьком листе бумаги не было тяжелых сургучных печатей и витиеватых подписей продажных министров. Договор скреплен руками простых людей, ненавидящих войну и жаждущих мира.

— Этот договор мы составили в Варшаве на Втором Всемирном конгрессе, — заметил грузчик.

ЧТОБЫ МАТЕРИ НЕ ОПЛАКИВАЛИ СЫНОВЕЙ...

Недавно в демократическом секторе Берлина побывала группа женщин из Западной Германии. Среди них выделялась высокая седая немка с открытым суровым лицом. Она отличалась от других и одеждой: на ней была белая кофточка, вышитая яркокрасными, явно не немецкими узорами.

— Да, это румынская кофточка, — сказала она в ответ на наш вопрос. — Ее прислали мне женщины Бухареста в подарок, узнав о моей работе в защиту мира.

Чем же так прославилась Роза Баумгартен, что весть о ней распространилась далеко за пределы ее родного города Мюнхена?

Эта женщина, никогда не состоявшая в политических партиях, ненавидит войну и поэтому стала в один ряд с передовыми людьми своего времени. Она собирала в Мюнхене подписи под Стокгольмским Воззванием, обходя улицу за улицей вместе со своими детьми. Американские агенты доносили в полицию. Но Баумгартен упорно продолжала стучаться в двери квартир во имя спасения людей от ужасов войны. И она собрала 3 500 подписей. Теперь Баумгартен разъясняет решения Варшавского конгресса и собирает подписи против ремилитаризации.

Делать все это в Мюнхене — центре американской зоны — опасно и трудно. К Розе Баумгартен приходят анонимные письма с угрозами; но много больше писем от далеких и близких, знакомых и неизвестных друзей с поздравлениями, советами, словами сочувствия и поддержки. Вспоминая об этих теплых, вдохновляющих письмах, пожилая женщина говорит:

— Я отдам все свои силы защите дела мира, я сделаю все, чтоб никогда больше матери не оплакивали павших сыновей!

Много женщин в Западной Германии следуют примеру Розы Баумгартен. В полуразрушенном Гамбурге женщины устроили демонстрацию. Матери везли ребят в колясках, к которым были прикреплены плакаты: «Мы проклинаем тех, кто готовит атомные бомбы для уничтожения наших детей!» Такие же демонстрации состоялись в Майнце, Эссене и других городах.

Нюрнбергские сторонницы мира собирают средства в пользу героического народа Кореи. Они уже отправили для госпиталей Народно-освободительной армии первую партию хирургических инструментов. Когда в Бремен прибыл голландский пароход, жены портовых грузчиков убедили подписать Стокгольмское Воззвание всю команду — от капитана до юнги.

«ДОЛОЙ РЕМИЛИТАРИЗАЦИЮ!»

Все больше немцев отказывается от сомнительной «чести» проливать свою кровь за интересы толстосумов Уолл-стрита. Повсюду в Западной Германии растет возмущение против создания немецкой армии под видом различных «рабочих», «вспомогательных», «обслуживающих» и т. п. отрядов. Агитация борцов за мир против вступления в «отряды пушечного мяса» дает себя знать все сильнее.

— Если вы хотите узнать, что думает по этому поводу народ, поезжайте по городам и селам Западной Германии,— говорил нам один эссенский горняк.— Даже не выходя из машины, вы заметите множество надписей на заборах, стенах домов, водонапорных башнях, вокзалах: «Долой ремилитаризацию!», «Янки, убирайтесь домой!».

Достойный ответ дал западным оккупационным властям и 25-летний Гейнц Фибелър, служивший раньше в так называемой «индустриальной полиции» в Аугсбурге. Мы беседовали с Фибелером и вот что услышали от него:

— Я долгое время был безработным и пошел в отряд «индустриальной полиции». Но нас скоро заставили заниматься военной муштрой. Я понял, что из нас готовят солдат. Мы протестовали, и американцы переименовали «индустриальную полицию» в «рабочие отряды», — они думали успокоить нас сменой вывески. Все же я и многие другие бросили эту службу: лучше быть безработным, чем стать солдатом у янки. Больше половины служащих «рабочих отрядов» Аугсбурга отказались подписать контракты о переходе на казарменное положение!

Факты, сообщенные аугсбургским безработным, не единичны.

Газета «Гамбургер эхо» писала, что в земле Шлезвиг-Гольштейн было предложено вступить в наемные войска 10 тысячам немцев, но лишь тысяча человек, находящихся под влиянием американской пропаганды, дали согласие; из 770 юношей города Фюрстенфельдбург (Бавария) отказалось 753.

«Мы не будем пушечным мясом для янки» — эти слова повторяют трудящиеся немцы по всей Западной Германии.

«УМИРАЮЩАЯ ДЕРЕВНЯ»

Немецкую деревню Груорн называют в Западной Германии «умирающей деревней».

Однажды на рассвете в Груорне появились танки и джипы, переполненные солдатами западных оккупационных войск. Приклады автоматов застучали в двери и окна. Испуганным жителям был объявлен приказ оккупационных властей: немедленно убраться из деревни.

Куда, как, почему? Эти вопросы остались без ответа. Здоровые и больные, дети и старики — все население спешно покидало дома. Деревня Груорн опустела. А на следующий день неподалеку от нее появились орудия, и начался обстрел пустых домов, окруженных старыми каштанами, которыми так гордились груорнцы.

Деревня была превращена в артиллерийский полигон. Время от времени по мертвым улицам Груорна проносятся танки, стреляя на ходу, саперные подразделения «практикуются» в создании «зоны пустыни».

В районе огневых позиций возле Груорна появляются надписи: «Вон из Германии!», «Мы не хотим войны!»

Борцы за мир неотступно следят за военными приготовлениями на территории Западной Германии и разоблачают их шаг за шагом.

Через демократическую печать немецкий народ с негодованием узнает все новые факты, говорящие о превращении Западной Германии в военный плацдарм. К северо-востоку от Кайзерслаутерна (земля Рейнланд — Пфальц) строится военно-стратегическая база для агрессивной войны против Советского Союза, стран народной демократии и Германской Демократической республики; в Гонзенхейме, близ Майнца, оборудуются аэродромы для американских тяжелых бомбардировщиков; крупные склады боеприпасов создаются в скалистых отрогах горного хребта Хаард, а ракетные батареи устанавливаются возле Кохема на Мозеле. На Баденском анилиново-содовом заводе производится горючее для реактивных самолетов; металлургический завод «Конкордия» в Бендорфе (район Кобленц) делает броневые плиты и кожухи для танковых моторов; концерн Сименса в Западном Берлине изготовляет детали для радарных установок. Список предприятий, выпускающих военную продукцию, непрерывно растет. Общие расходы на ремилитаризацию составляют многомиллиардную сумму.

Эту правду хотели бы скрыть от народа поджигатели войны. Но сторонников мира миллионы, и от них ничего не спрячешь.

НЕСМОТРЯ НА ПРЕСЛЕДОВАНИЯ...

В Западном Берлине ежемесячно арестовываются сотни честных немцев, активно выступающих против ремилитаризации. Многие из них содержатся в одиночных камерах без суда и следствия.

Террор не останавливает борцов за справедливое дело. Они знают, что не одиноки. В моабитском суде (Западный Берлин) прокурор спросил юношу, арестованного за участие в демонстрации мира: «Кто стоит за вами?» Юноша ответил: «500 миллионов сторонников мира, подписавших Стокгольмское Воззвание!» Когда в Нюрнберге и Фюрте были схвачены 15 участников демонстрации против военной подготовки, жители этих городов собрали 63 тысячи марок на кампанию в защиту арестованных...

Недавно в Мюнхене должна была состояться конференция сторонников мира. В городах и деревнях Западной Германии было избрано более тысячи делегатов. Когда делегаты уже находились в пути, полиция запретила им въезд в Мюнхен. Но этот приказ не застал сторонников мира врасплох, они подготовились к «шеффилдскому варианту». Маршруты автобусов с делегатами были быстро изменены, и конференция состоялась в трех других городах — Штутгарте, Оденвальде и Нордбаерне.

Широкие массы трудящихся, люди различных политических взглядов и социальных слоев все активней поддерживают предложение правительства Германской Демократической республики об образовании Общегерманского учредительного совета. Отказ Аденауэра от переговоров лишь удвоил усилия миллионов немцев, стремящихся к единству. «Немцы должны сесть за один стол» — вот что говорят трудящиеся Германии в ответ на обращение Народной палаты Германской демократической республики к боннскому парламенту.

В Штутгарте, Бохуме, Дюссельдорфе созданы комитеты, возглавляющие движение против ремилитаризации. В редакции западногерманских газет приходят тысячи писем, в которых честные трудящиеся немцы высказываются против войны. Журнал «Зибен таге» задал своим читателям вопрос: «Хочешь ли ты быть солдатом?». Редакция получила 16 тысяч ответов. 85 процентов из них гласили: «Нет! Мы не возьмем оружия в руки».

В Гейдельберге против ремилитаризации выступили единым фронтом 16 партий и общественных организаций. Во Франкфурте-на-Майне организация Союза свободной немецкой молодежи и «Соколы», объединение социал-демократической молодежи, подали друг другу руки в борьбе за мир. Среди тех, кто выступает в Западной Германии и в Западном Берлине против перевооружения, известны такие люди, как глава евангелической церкви пастор Нимеллер, бывший первый офицер крейсера «Эмден» капитан-лейтенант Гельмут фон Мюкке, ученые, врачи, писатели, художники.

Нам довелось недавно посетить в Западном Берлине одного видного врача, активного борца за мир. В тот день над дверью его кабинета висело объявление, в котором сообщалось, что сегодня прием заканчивается раньше, так как доктор должен участвовать в конференции борцов за мир. И почти все, кто пришел к нему в этот день, просили его: «Скажите и от нашего имени: американцы нас не потянут на войну».

Люди доброй воли, честные люди по ту сторону зональных границ Германии сплачиваются для отпора поджигателям войны. Борцы за единую, мирную, демократическую Германию мужественно продолжают свое дело, твердо веря, что немецкий народ вместе с другими миролюбивыми народами не позволит американо-английским последователям Гитлера превратить их родину в очаг нового военного пожара в Европе.

Берлин.

Аннелизу Кох жестоко избили полицейские.

«Штупо» расправляются с борцами за мир.

ВСЕГДА ВДВОЕМ

Евгений **ВОРОБЬЕВ**

Рассказ

Рисунки О. Верейского

1

Сама Нина Константиновна этого не находила, но все говорили, что Павлик, как две капли воды, похож на нее. Жаль, что Павлик не был похож на отца лицом, что она не могла искать и находить в сыне любимые черты.

Но тем радостнее было узнавать в привычках сына полузабытые привычки отца, те неповторимые повадки, которые, наверно, кроме нее, и знакомы никому не были. У Павлика была отцовская манера смеяться, чуть откинув голову назад, и в первое мгновение с закрытым ртом, так что губы не сразу поддавались улыбке и сперва начинали смеяться глаза. Она подолгу смотрела, как Павлик спит, — вот так же, подложив ладонь под затылок, спал отец. И умывался Павлик, как отец, тоже громко фыркал и глядел исподлобья на кран сквозь свисающую мокрую прядь, потемневшую от воды.

Фотография отца висела над столиком, за которым готовил уроки Павлик. Снимок был сделан, очевидно, чуть снизу, потому что виднелась даже изнанка козырька, а на погонах нельзя было ничего разобрать. Впервые Андрей снялся при всех наградах. Нина Константиновна так и не увидела этих орденов на нем на живом.

Андрей частенько присылал с фронта снимки — с ним водил дружбу фотограф дивизионной газеты. У Нины Константиновны хранился большой конверт с карточками. Андрей рассматривает карту. Андрей с друзьями по батарее. Колонна изможденных, заросших бородами людей, освобожденных из фашистского лагеря в Хайлигенбайле. Батарея на огневой позиции. Батарея на понтонном мосту, вдавленном в воду непосильной тяжестью орудий, и Андрей, держась за орудийный щит, тоже по колено в воде — словно идет по мелководью.

Давно отгремел салютом День Победы. Прощальные залпы войны напомнили о вечной разлуке с Андреем, и слезы, которыми плакала Нина Константиновна, были одновременно и слезами радости и слезами горя.

Нина Константиновна ночами просиживала над письмами и фотографиями, подолгу смотрела заплаканными глазами на спящего сына. То были самые длинные ночи в ее жизни. Она часами ходила по вечерним улицам. Она почти бежала по ним. Ей хотелось устать так, чтобы, придя домой, сразу свалиться и уснуть, ни о чем не думая. Но она не могла уснуть, не могла убежать от самой себя.

2

Потом жизнь снова начала расцветать своими красками, сперва совсем тусклыми, затем более яркими.

Нина Константиновна много гуляла с Павликом по улицам, и он вслух, прилежно шевеля губами, читал все вывески подряд, потрясенный волшебной силой букв, способных собираться в слова.

— Вот этот дом хороший, — солидно говорил Павлик, указывая на двухэтажный старый домишко с мансардой и множеством чердачных окон.

— Чем же он хороший? Смотри какой! И почернел весь. Даже ссутулился. Вроде деда Акима.

— Нет, мам, ты не понимаешь. Дом очень хороший, — настаивал Павлик. — Голубей с него удобно гонять. Чердак большой...

Все остальные этажи Павлик рассматривал только как подставку для голубятни.

Нагулявшись вволю, мать и сын садились в трамвай и ехали через мост: Павлик очень любил кататься по мосту. Если сидеть у окошка, можно увидеть сразу и Петропавловскую крепость с ее бастионами, и другой мост, и пароходик на Неве.

— А на мальчика билет? — потребовала однажды кондукторша.

— Разве полагается?

— В школу ходит, значит, должен платить.

— Он еще в школу не ходит.

— Что же он, в неучи записался? Восемь лет, небось!..

— Что вы, восемь лет! — Нина Константиновна всплеснула руками. — Недавно шесть исполнилось!..

— Ох, любят пассажиры детей своих омолаживать! Лишь бы на билетике сэкономить!..

— Да, пожалуйста, дайте еще билет, — со счастливым смущением попросила Нина Константиновна.

Впервые она заплатила за Павлика в трамвае! Рослый крепыш, весь в отца пошел...

Она играла с Павликом в снежки, как маленькая девочка, а он, как взрослый, помогал ей носить дрова.

Теперь она редко, реже, чем прежде, и всегда с горьким любопытством смотрела на себя в зеркало. Она касалась лица пальцами и удивлялась: «Неужели я так мало изменилась? Только вот эти морщинки у переносицы. Правда, вот глаза...» Глаза запали, под ними синие круги.

Она старалась меньше думать об Андрее, а жизнь властно напоминала о нем. Вдруг пришла открытка, адресованная А. М. Косматову, — вышел и выдается подписчикам одиннадцатый том полного собрания сочинений Маяковского. Она долго держала открытку. Ах, лучше бы этот том не приходил!..

Но, оказывается, и с горем можно сжиться, как с застарелой болезнью, как с вечной ношей, которую человек не вправе бросить, хотя она ему и не по силам.

Конечно, нужно не просто служить, а нужно очень хорошо, еще лучше, чем прежде, работать у себя в типографии, еще внимательнее читать гранки, чтобы ни одна опечатка не вкралась в книгу, чтобы будущие читатели ни в чем не могли упрекнуть корректора. Это она понимала и работала хорошо. Но она не любила задерживаться в типографии, на собраниях сидела безучастно и нетерпеливо ждала, когда же можно будет наконец уйти домой.

«Конечно, плохо, что я так настроена, — упрекала она себя и тут же оправдывалась: — Но я не могу себя перебороть. И кто имеет право меня осуждать? Может быть, Маргарита Ивановна, которая чаще смотрит в зеркальце, чем в гранки? Или та хохотунья-наборщица с вечно черными пальцами? Но разве они пережили такое?..»

Об Андрее она никогда не заговаривала, а если расспрашивали о нем, отвечала сухо:

— Да, капитан Косматов... Да, командовал батареей... Да, за неделю до конца войны...

Она была обижена тем, что в сборнике очерков о героях Отечественной войны об Андрее не было ни слова. Конечно, все люди, о которых шла речь в сборнике, — герои. Но все-таки обидно, что в книге, которая печаталась в их типографии, в книге, которую она корректировала, не нашлось места для Андрея Косматова.

«Это только говорится так, что имена их будут жить вечно, — думала она с горькой обидой. — Многие уже забыты. Государство, конечно, помнит, Павлик всем обеспечен. А кто еще помнит героев? Помнят матери, вдовы, сироты. Ну, сослуживцы, из тех, что более памятливые и сердобольные. А больше — никто».

3

Павлик уже третий год ходил в школу. Нина Константиновна провожала его по утрам до школьного подъезда, а затем отправлялась к себе в типографию.

А когда она приходила с работы, Павлик, услышав поворот ключа в замочной скважине, всегда вбегал в переднюю и зажигал свет.

Однажды Павлик встретил ее вопросом:

— Ты, мам, когда-нибудь в военном музее была?

— Нет, Павлик, — ответила она, раздеваясь. — А что?

— В воскресенье туда из старших классов пойдут. На экскурсию, мам...

— Что это вдруг надумали?

— День артиллерии скоро... И я хочу пойти. Пушку папину поискать. Там, говорят, все знаменитые пушки собраны. А ты пойдешь со мной?..

Из рассказов, поступивших на конкурс журнала «Огонек».

Ну, скажи! Ну, почему ты мне ничего не отвечаешь? Что с тобой, мам? Ну, скажи: пойдем?

Она замерла, прижав голову Павлика к груди, ощущая запах его волос, которые ласково перебирала пальцами.

— Ну, скажи, мам! Пойдем?

— И воскресенья ждать не будем. Завтра пойдем! Как приду из типографии, сразу же отправимся...

Они пришли в музей уже под вечер, нетерпеливо разделись и, крепко держась за руки, побежали в зал «Отечественная война». Служитель, сидевший у тяжелой дубовой двери, похожей на ворота, посмотрел им вслед с сердитым удивлением.

— Побежали, как в кинотеатре...— проворчал он и насупил густые брови.

В канун Дня артиллерии в музее было многолюдно. Посетители толпились вокруг пушек, стоящих в середине сумрачного зала, просторного, как площадь. Знатные пушки, прошедшие тяжелой поступью по дорогам войны, собрались сюда для свидания. Они жили в музейном покое. Их колесные ободья и шины касались блестящего паркета. Тела пушек, протертые пушечным салом, лоснились.

Нина Константиновна торопливо шагала от пушки к пушке. Может, этой вот пушкой командовал Андрей? Не за тем ли щитом он стоял? Не на этот ли лафет он упал грудью в предсмертную минуту?

Увлекая за собой Павлика, она почти бежала вдоль этой разномастной и разнокалиберной батареи. Она скользила взглядом по табличкам, прикрепленным к пушкам. Не то, совсем не то, все чужие, совсем незнакомые фамилии... Вот и последняя пушка, и Нина Константиновна, растерянная, отошла от нее.

Она начала обходить подряд витрины, стоящие вдоль стен. Она лихорадочно вглядывалась в незнакомые портреты, нагибалась над застекленными столиками. Сотни имен, фамилий мелькали перед глазами. И вот она снова очутилась у стенда, который уже осмотрела, и поняла, что искать больше нечего.

До Нины Константиновны долетали обрывки разговоров. Кто-то комментировал карту, кто-то не мог удержаться от воспоминаний, подступивших к самому сердцу. Все время называли места боев, звания, фамилии — и тех, о ком рассказывал музей, и тех, о ком не упоминал.

Она остановилась у стенда, посвященного фронту Андрея, и стала прислушиваться, не прозвучит ли родное имя. Сколько она простояла — час, два часа? Павлик не надоедал матери вопросами, когда замечал, что она так вот закусывает губу и смотрит очень пристально, но при этом ничего не видит.

Подошел служитель и строго насупил брови:

— Звонок давно отзвенел, гражданочка. Музей закрывается...

— Извините, не слышала.

Служитель ничего не ответил, но долго ворчал про себя.

Она ушла из музея с горьким ощущением, что ей там делать нечего, только напрасно и бесполезно растревожила память.

Но прошел день, за ним другой, и ее тянуло послушать о подвигах неизвестных ей людей. Это было для нее полной неожиданностью.

И вот однажды у знакомого стенда она услышала, как человек в вылинявшем кителе, с дырочками и лямками для погонов, сказал, неизвестно к кому обращаясь:

— У нас тоже знаменитая была батарея. Косматовская. По всей армии слава гремела!

— Вы... вы служили в той батарее? — спросила Нина Константиновна и крепко сжала губы, чтобы унять их дрожь.

— Наш сосед слева.

— Знали Косматова?

— А как же! И водочку выпивали...

Человек в вылинявшем кителе немного знал об Андрее, но он назвал людей, которые знали больше, их можно разыскать. Нина Константиновна завела переписку с этими людьми. Она и не подозревала, что у Андрея было столько друзей, что столько народу знало его так близко, так хорошо помнит.

Ей написали, как Андрей спас жизнь раненому наводчику, уже пошедшему на дно, когда форсировали Неман; как вызвал огонь батареи на себя, когда его наблюдательный пункт окружили фашисты; как Андрей в Хайлигенбайле вымчал орудия на открытую позицию и беглым огнем расстрелял эсэсовцев, которые пытались поджечь бараки концентрационного лагеря; тысячи людей сгорели бы там заживо.

Оказывается, и сейчас среди артиллеристов дивизии живет выражение «косматовская точность».

«Значит, Андрея помнят, его любят!»

Это походило на прозрение, на яркую вспышку света в темноте.

По воскресеньям Нина Константиновна проводила теперь в музее добрую половину дня. Она завела переписку с сослуживцами, с семьями других артиллеристов. Служитель Петрович смотрел на нее, все так же насупившись, но говорил дружелюбно:

— Вот так-то лучше. А то ходила совсем ненастная...

4

Там же, в музее, Нина Константиновна повстречала ватагу детдомовцев. Она по просьбе экскурсовода рассказала им о батарее Косматова, а затем предложила:

— А вы приходите, ребятки, ко мне домой. С сыном познакомлю. А? Потом фотографии с фронта посмотрим...

На другой день вечером раздался робкий звонок. Гостей пришло столько, что они не умещались на площадке, иные стояли на ступеньках лестницы. Чем больше, тем лучше! Печенье к чаю припасено, есть и банка варенья. Ну, а если чашек не хватит, можно чаевничать и в две смены.

В передней стало и вовсе тесно, потому что гости, все сразу, начали раздеваться. Павлик, важничая, жал руки гостям. Иные входили в комнату, робко и внимательно осматриваясь, а иные непринужденно, как к себе домой. Иные смотрели на Павлика с откровенной завистью — с родной матерью живет! — иные с подчеркнутой независимостью и даже снисходительно.

Нина Константиновна рассказала об Андрее Михайловиче. Потом рассматривали фотографии. Павлик уступил место и не стал смотреть — так было тесно, столько голов склонилось над столом.

— Сразу видно, что Андрей Михайлович очень сильный, — сказал белесый мальчонка; рот его был полуоткрыт; и он все время шмыгал носом и исподтишка, когда Нина Константиновна отвертывалась, вытирал нос рукавом.

В этот момент смотрели карточку, на которой снята была пушка, увязшая в болоте, и Андрей вместе со всеми вытаскивал пушку. Мальчонка не допускал мысли, чтобы такой геройский офицер и вдруг не был силачом! Нина Константиновна обратила внимание на то, что мальчонка этот говорил об Андрее, как о живом, — словно сейчас откроется дверь и тот войдет в комнату невредимый, веселый.

Мама рассказывала, а Павлик знал, о какой карточке идет речь, и представлял ее себе во всех деталях. Вот папа стоит с поднятой рукой в стороне от орудия, рот у него широко раскрыт и похож на букву «о». Это он подает команду: «Огонь!» Вот пушка плывет на понтоне. А теперь смотрят фото — фашистский танк с продырявленной башней; дыра сквозная, и через нее виден рваный кусочек неба — это тоже работа папиной батареи...

Через несколько дней Нину Константиновну пригласили в детдом на вечер, посвященный годовщине Советской Армии. Дети просили рассказать о капитане Косматове. Нужно было в февральскую метель и гололедицу ехать куда-то на Петроградскую сторону. Конечно, очень больно бередить рану и вспоминать все с самого начала. Она бы, пожалуй, не поехала, но в тот день в газете снова были напечатаны тревожные телеграммы из-за границы и статья о поджигателях войны. И Нина Константиновна уже не могла дождаться вечера, когда придет пора ехать в этот самый детдом.

Нине Константиновне предоставили слово после летчика, Героя Советского Союза. Она заговорила глухо, тихо. Впервые она говорила об Андрее во всеуслышание.

Когда она замолкла, воспитательница, седоволосая женщина, возбужденная, стесняясь своих заплаканных глаз и горящих щек, сказала:

— Если бы вы только знали, как вы говорили! И как дети слушали! Да и мы, взрослые!..

Назавтра, во время обеденного перерыва, Нина Константиновна, проходя через печатный цех, услышала радио. Что-то удивительно знакомое послышалось ей в этой передаче. «Да это же из письма Андрея! О том, как они освободили пленников из лагеря! Как же об этом письме узнал диктор? Но я сама читала вчера это письмо в детдоме! Неужели же это я говорю?»

Нина Константиновна оперлась рукой о стену, вперив при этом пристальный взгляд в репродуктор.

«Вероятно, речи записали вчера на пленку. Совсем незнакомый голос!..»

После обеда Нина Константиновна принялась за свои гранки, но ей все время мешали работать: прибегали знакомые, незнакомые, обнимали ее, жали руки, и кто-то даже всплакнул при этом.

Снегопад

Константин ВАНШЕНКИН

Сегодня все немного непривычно:
Вокруг бело. И около Карпат
Такая тишь, которая обычно
Бывает только в первый снегопад.

Летит снежок веселый. И солдаты,
Не занятые нынче на постах,
Глядят на величавые Карпаты,
Мечтая о своих родных местах.

Пускай в одних — снега не выпадали,
В других — дома по окна замело,
Но каждый видит памятные дали
И первый снег, упавший на село.

Летит снежок над лесом, над болотом,
Над поднятой солдатской головой.
И, словно зачарованная, рота
Следит за ним... И только часовой

Невозмутимо ходит по тропинке
(Ему здесь каждый камешек знаком),
И сразу тают первые снежинки
Под кованым солдатским каблуком.

5

Спустя несколько дней из Радиокомитета переслали письмо. «Вы молодец, Нина Константиновна,— писала мать, потерявшая на войне двух сыновей. — Вы продолжаете дело своего мужа, боретесь за мир. А я позволила горю одолеть, сломить себя. Теперь я вижу, что не имела права так отдаться своему горю, упасть... Вы счастливая — у вас есть сознание, что вы нужны людям. А когда человеку плохо, это сознание — единственное, что может помочь ему снова распрямить спину...»

Нина Константиновна читала и узнавала в авторе письма себя, вчерашнюю, нет, сегодняшнюю...

Незаслуженная похвала заставила ее многое передумать, и прошел не один день, пока она смогла искренно и убежденно написать неизвестной матери, что их утраты — это не тяжелая ноша, которая сгибает плечи, и, чтобы не оскорбить память погибших, нужно продолжать их дело. Они продолжают бороться за мир, и мы должны бороться вместе с ними...

Теперь уже не проходило дня, чтобы Нина Константиновна не получала писем. «Откуда только люди мой адрес узнали?» Ей писали старики-пенсионеры и нахимовцы, девушки и вдовы, доктора наук и заслуженные артисты республики, инвалиды войны и офицеры, штурманы дальнего плавания и няни из родильного дома.

Она все чаще выступала в школах, библиотеках, клубах или где-нибудь на собрании женщин в трампарке.

Очень скоро и совершенно незаметно для нее самой у Нины Константиновны появилось спокойное и ясное сознание своего участия в большом деле. Она почувствовала, что нужна многим людям, а раньше считала, что не нужна никому. И это сознание полезности дела, которое она делает, помогло ей приободриться, оно всё наполнило ее приятным чувством уверенности в своих силах. Она словно стала чуть выше ростом.

Она выступила и у себя в типографии. Даже хохотунья-наборщица слушала с напряженным вниманием, лицо ее было необычно строго.

— Разве для того я родила сына, чтобы кто-то покушался на его жизнь? — гневно спрашивала Нина Константиновна. — Самый высший дар человечеству от матери — это ребенок, новый человек. Какое же право имеют атомщики на его жизнь?!

После собрания все в типографии стали смотреть на Нину Константиновну другими глазами, словно удивлялись, что не замечали в ней прежде чего-то очень интересного или отыскали в ее лице какие-то новые, необыкновенные черты.

Теперь Нина Константиновна почувствовала себя снова плечом к плечу с Андреем. Иногда ей уже не удавалось точно воссоздать в памяти какую-нибудь деталь их прошлой жизни, слово его, полслова, жест, движение губ, безмолвный взгляд. Подробности ускользали, прятались в самых тайниках памяти. Вот так же нельзя взять пальцами пепел — на коже остается мягкая пыльца, самая малость серой пудры, и это — все.

Но она была ближе к Андрею, чем все последние годы, и чаще говорила о нем, как о живом, ну, совсем, как тот мальчонка из детдома, вечно шмыгающий носом, с вечно приоткрытым ртом.

Однажды среди писем — теперь почтальон ежедневно одаривал ее толстой пачкой писем — снова оказалась открытка из магазина подписных изданий. Вышел очередной том Маяковского, и Нина Константиновна была ему очень рада. Хорошо, что все томы собираются наконец вместе. Она сама полюбила Маяковского и не удивлялась больше этой привязанности Андрея.

Нина Константиновна отправлялась на собрание, на митинг, а у нее было ощущение, что она идет туда вдвоем, всегда вдвоем с мужем. Иной раз она уже сама не понимала, ради кого, собственно, ее приглашают — ради мужа или ради нее самой. Пожалуй, когда она шла на вечер в ремесленное училище, туда приглашали Андрея, и она шла за ним. А когда ее звали к себе ткачихи с фабрики «Веретено», пожалуй, они звали прежде всего ее, а Андрей лишь незримо ее сопровождал. Он жил во всем — он становился с токарями на вахту мира, он сажал вместе со школьниками и с нею самой сады мира, он назвал новую улицу улицей Мира.

Когда Нину Константиновну на собрании в ее же типографии выбрали в состав делегации на конференцию сторонников мира, она этому не очень удивилась.

Напоследок, перед самым отлетом (то было воскресенье), они отправились с Павликом гулять. Они шли пешком по мосту, круто выгнувшему свою спину над Невой.

Шла весна, мирная весна мирного города, и Нине Константиновне было радостно и сладко узнавать ее приметы.

Дети стояли, перегнувшись через перила, и смотрели на воду. Невский лед уже прошел, а ладожский только появился, и, как всегда в такие дни, город жил на холодном сквозняке. Повертываясь на ходу, искрясь на апрельском солнце, плыли редкие льдины; на иных видны были щепки и какой-то мусор.

Подходя к Невскому, мать с сыном увидели очередь у магазина «Семена». Идут пионеры, несут на плечах удилища: «Купили снасти впрок, для пионерского лагеря».

Девочки играют в классы на подсыхающем асфальте, он слегка парится. Косички с бантиками смешно дергаются при каждом прыжке тоненькой девочки. Тут же, на тротуаре, за меловой линией, снятые калоши.

Почему-то больше всего Нина Константиновна обращает сегодня внимание на детей, всюду она видит прежде всего детей, которые прыгают, смотрят на ледоход, собираются рыбачить, сажать цветы, сами собираются счастливо жить под родным небом.

И она совсем не думала о том, что завтра ей расставаться с Павликом, которого она передала заботам сестры, что завтра, на рассвете, ей лететь куда-то в Скандинавию, на конференцию...

6

Самолет снижается и летит над водой. Внизу хаос островков, в фиорде можно различить яхты — они подобны громадным белым чайкам, сложившим два крыла в одно и поднявшим их в виде паруса. А вот и на самом деле чайки, они стелются над водой, как белая метель. Узкий фиорд, над которым летит самолет, вдается глубоко в материк. В окне возникает перекошенная панорама поселка, самолет идет на посадку. Все дома вокруг аэродрома крыты черепицей, удивительно похожей на красную чешую...

Сходить на землю после первого полета всегда несколько странно, а Нина Константиновна чувствовала себя тем более необычно, что она впервые в жизни ступила на чужую землю. Их окружили друзья. Иные говорили по-русски, и букет, который ей подарили, тоже был из знакомых цветов. Она всегда любила махровую гвоздику.

Через час она вышла из гостиницы и окунулась в сутолоку чужого города, который показался ей праздным и беззаботным. «У них и жертв было немного, не то, что у нас. Что значит немного? Но разве горе матери, потерявшей единственного сына, или горе сироты меньше оттого, что в семье по соседству все уцелели, там не плачут?»

Катили извозчики в старомодных цилиндрах, с фонарями на козлах. Отчего так странно выглядит поток автомашин? Ведь он вовсе не гуще, чем у них на проспекте. «Совсем нет знакомых машин, — догадалась она наконец. — Ни «победы», ни «москвича», ни «ЗИС»...»

На куполе Национального театра висел аляповатый щит: рекламировалось американское виски «Белая лошадь». Нина Константиновна недоуменно поглядела на купол и пошла дальше. Она вглядывалась в живое кипение улицы. Навстречу двигалась пестрая толпа. Прошел бородатый моряк в клеенчатом плаще и зюйдвестке. Прошла девушка в ярковишневом пиджаке и кремовых брюках, брюки носили многие женщины. Мать вела за руку малыша, и оба были в макинтошах. Не уступая дороги, заставив Нину Константиновну сойти с узкого тротуара, прошли два американца, оба навеселе. Они во весь голос бесцеремонно переругивались между собой, и была во всем поведении их какая-то нарочитая невежливость, они держались, как плохо воспитанные хозяева.

Плечистый мужчина в серо-голубом костюме, шедший навстречу, остановился и пытливо заглянул ей в лицо. Этот же мужчина очутился потом рядом, а обгоняя ее, опять очень пристально посмотрел на нее.

«Слежка тут за нами? Или просто не в меру любопытный?»

— Простите, вы есть мадам Косматова? — спросил незнакомец, нещадно коверкая русский язык.

Она продолжала идти, не замедляя и не ускоряя шага.

— Косматова. А вы как меня узнали?

Она недоверчиво посмотрела на человека, шагающего рядом. «Не его ли я видела мельком на аэродроме?»

— Простите, мадам, но есть ваша фотография. Сегодня в газетах.

— Очень приятно. А чем, собственно, могу служить?

Они пересекли улицу, подобную березовой аллее, — березы уже зеленели, — и пошли по улице, обсаженной каштанами. Их обогнал дребезжащий трамвай в ярких заплатках рекламы — все должны покупать холодильники «Мичиган» и пить «кока-кола» —

— Простите, фамилия Косматовы есть очень распространенная в России? — спросил наконец незнакомец.

— Нет, совсем нет. — Нина Константиновна искоса, очень удивленно посмотрела на спутника и замедлила шаг. — Наоборот, фамилия до-

вольно редкая. Если не ошибаюсь, никогда не встречала однофамильцев...

— Простите, как вы сказали, мадам? — Незнакомец в мучительном раздумье сморщил лоб, но тут же складки на лбу разошлись. — Од-но-фа-миль-цы?.. Ах, понимаю!.. Значит, фамилия есть редкая?

— Как будто так.

Они миновали королевский замок. Как раз пришло время для смены караула, и Нина Константиновна смотрела на всю эту церемонию с веселым любопытством. Часовые напоминали оловянных солдатиков, которых она когда-то подарила Павлику. Незнакомец наблюдал за сменой караула со злой усмешкой:

— Игрушки, мадам!..

Он сосредоточенно помолчал и спросил, преодолев смущение:

— Простите, мадам, но... Один человек на фронте, русский офицер... Андрэ Косматов. Может, вы есть с ним знакомы?

— Да, была знакома, — сказала она очень глухо и плотно сжала губы.

Она шла, опустив голову, очень внимательно глядя на свои туфли, на тротуар, весь в окурках и растоптанных папиросных коробках, и еще подумала, что у нас на улицах не в пример чище. Она все убыстряла шаг, она почти бежала теперь, и незнакомец, не отставая, быстрыми, размашистыми шагами шел рядом.

— Была знакома, — повторила она. — А вы?.. Вы тоже были знакомы?

— Простите, мадам, то есть мой друг. Он спас мне жизнь.

Она замедлила шаг и пристально вгляделась в лицо спутника.

Открытый взгляд светлых, широко расставленных глаз, большой чистый лоб, густые короткие брови, совершенно прямые, без изгиба, чуть-чуть приплюснутый нос, веки, устало лежащие на глазах, светлые волосы с пробором.

— Вам?

— И другим тоже. Хайлигенбайль... Там были люди со всей Европы... Большое русское сердце, большой герой есть Андрэ Косматов!

Она остановилась, подняла глаза и твердо сказала:

— Он убит. Это мой муж.

— Простите меня, мадам...

Дрожащей рукой незнакомец полез за пазуху, вытащил бумажник, а из него карточку Андрея.

Ту самую, которая висела над столиком Павлика, только меньшего размера.

Нина Константиновна взяла фотографию и принялась рассматривать ее так, словно видела впервые.

«Товарищу Хельгессену и его детям, — прочла она с трепетом, узнав руку Андрея. — На долгую и крепкую память о Советской Армии. Капитан А. Косматов. Февраль 1945 года».

— Гюнар Хельгессен — это есть мое имя... Да, мадам. Если бы не русские артиллеристы, весь лагерь есть жертва фашизма.

— Если бы не Советская Армия, вся Европа стала бы жертвой фашизма.

— Да, да, мадам! Мы это знаем. И я, и жена, и дети!

«Как это я не подумала об этих людях прежде: живы ли они, что сейчас делают? А вот Павлик спросил как-то: «Мам, а где те дяденьки, которых папа освободил?»

Они подошли к ратуше, красивому зданию в классическом стиле. На ратуше висел кричащий щит с изображением верблюда — все должны курить американские сигареты «Кемл».

Перед ратушей стоял памятник королю, восседающему верхом на грузном коне. Памятник отливал ядовитой зеленью: зеленые наплечники на мундире короля, зеленый верх его каски, зеленая попона на коне.

У подножья памятника стояла толпа; безбородый розовощекий толстяк, похожий на огромного пухлого младенца, выкрикивал что-то хриплым голосом. Хельгессен объяснил, что это лотерея. За одну крону можно выиграть дом. Один шанс из двадцати тысяч. Вздохнув, Хельгессен тоже достал крону и купил лотерейный билет. У толстяка были жирные, похожие на сардельки пальцы. Нина Константиновна не удивилась бы, увидев сальные пятна в том углу билета, к которому прикоснулся толстяк.

Хельгессен принялся рассказывать, как он изучал в лагере русский язык. Что же делать, ему не удался побег. Зато он помог бежать другим: пилил колючую проволоку, задушил овчарку.

Он и сейчас изучает русский язык, этот язык мира.

Они вышли на площадь Валькирий. Мимо ехали крикливо раскрашенные автомобили, извозчичьи кареты, омнибусы. Полицейский в белых перчатках и белых нарукавниках белым жезлом регулировал уличное движение. Шикарная машина, пронзительно гудя, мчалась на закрытый семафор.

Хельгессен зло усмехнулся, и в его серых глазах появился стальной блеск.

— Простите, мадам, это есть американцы... Наш гимн начинается словами: «Да, все мы любим нашу страну...» Но тем людям, которые подписали Атлантический пакт, я запретил бы петь национальный гимн!..

Нина Константиновна, как и накануне, перед отлетом из родного города, прежде всего видела вокруг себя детей.

Веселой стайкой, не держась за руль, положив друг другу руки на плечи, проехали школьники на велосипедах — румянолицые, почти сплошь голубоглазые, с голыми коленями, в вязаных чулках. Хельгессен сказал, что занятия в школах начались 1 апреля, но брат его не мог больше ходить в школу, он устроился пастухом при монастыре, потому что у брата нет даже на самый бедный завтрак, на порцию сосисок из китового мяса, а Хельгессен, увы, не в состоянии его содержать.

У витрины писчебумажного магазина толпилась детвора, все глазели на рекламу. Смешной человечек из папье-маше, очевидно, учитель, что-то писал мелом на грифельной доске, тут же комично, покукольному дергался и стирал тряпкой написанное. «Вот бы Павлик посмотрел! И ребятки из детдома! Тот белесый, наверно, открыл бы рот от изумления».

И Нина Константиновна очень остро почувствовала ответственность за детей, которые и говорили-то на непонятном ей языке и жили в чужом красивом городе, к счастью, не испытавшем ужасов войны.

Показался знакомый подъезд гостиницы. Нина Константиновна заторопилась. Нужно еще разыскать до обеда своих, собраться с мыслями, привести себя в порядок, и все это до торжественного открытия конгресса.

— Ну, прощайте, — она крепко пожала руку Хельгессену. — Будем помнить Андрея...

Хельгессен молча приложил руку к тому месту, где лежал бумажник с фотографией.

— Благодарю вас. Прощайте.

— Простите, мы еще встретимся...

Вечером она неожиданно услышала знакомое имя. Председатель предоставил слово Гюнару Хельгессену, члену профсоюза муниципальных рабочих, бывшему участнику движения Сопротивления.

Он поднялся на трибуну, ищущим взглядом обвел зал, нашел Нину Константиновну, дружески улыбнулся ей, достал слегка дрожащей рукой бумажник, вынул из него фотографию и положил ее на пюпитр. Прежде чем начать речь, Хельгессен сдвинул прямые брови и очень внимательно посмотрел на фотографию, лежащую перед ним.

Как делили зверей

Из рассказов о Пакистане

Н. ТИХОНОВ

— Посмотрите, саиб, там тигры!

— Я и без вас вижу, что там тигры! Можете ко мне не приставать...

— Как хотите, саиб, но вы не должны пройти мимо львов! Вот они там, направо..

— Вы напрасно трудитесь, потому что если бы я даже усомнился, что это тигры и львы,— на каждой клетке написано название животного. На то это и зоологический сад. Вот если бы вы мне показали хоть одного оленя или хоть одну птицу...

— Птиц у нас в саду немного, саиб! Оленей нет. Индусы взяли их у нас, когда мы делили с ними зоологический сад.

— Как? Делили зоологический сад?

— Мудрость саиба велика, и он не смеется надо мной, тем более, что сейчас я честно получу свою рупию, потому что никто не сможет рассказать саибу то, что расскажу я. Делиться с индусами хуже, чем делить имущество с негодной женой. Жена хочет унести с собой из дому и постели, и платья, и кастрюли, и ковры, по которым ты ходил всю жизнь. Так и индусы. Они сказали, что мы не любим зверей, потому что убиваем и едим коров. Это верно, мы убиваем коров, но так положено по закону. А по какому закону сказано, что все птицы принадлежат индусам? Каких они оставили нам попугаев? Вон они совсем больные и дряхлые или кричат гадости, которым их научили язычники. Мы отдали им оленей, но быков поделили пополам. Мы предложили им змей, они сказали, что с ними в дом вползет все коварство ислама. Они хотели забрать льва, но тут вышел большой спор. Мы отстояли льва, потому что он наш и ничего общего не имеет с этими поклонниками священных быков и обезьян.

— Значит, вы не отдали им ни львов, ни тигров?

— Мы не могли отдать, саиб. Взгляните на тигра! Разве это не мусульманин с рождения?! Посмотрите на его усы и на его плечи. Так сильны могут быть только сыны пророка. Тогда они сказали, что они докажут, что у нас в клетках сидят звери из Соединенных Провинций, из Рохилькенда и Гудваны, и, значит, они индусы. Мы проверяли каждого зверя и того, который родился индусом, отдавали им под расписку. Птиц нам было не жалко. Их у нас много. Вон сколько в небе чилей, и воронов, и синиц...

Мы отдали им даже медведя из Гималайских предгорий, но медведя, вон того — посмотрите немного влево, он высунул обе руки из клетки и просит хлеба, — мы не отдали, потому что он из Кашмира. Они настаивали, что он гималайский, но документы говорили, что если он даже гималайской породы, все равно он пойман в Кашмире и там родился. Они сказали, что Кашмир их, но мы сказали, что, пока небеса не упали на землю, никто еще не доказал, что Кашмир не наш.

Так мы делили поровну и по справедливости весь зоологический сад. Не думайте, саиб, что мы были пристрастны. Мы не любим индусов, это истина. Мы любим и уважаем только одного из них, великого индуса, потому что он говорил правду, что надо уничтожить все школы и железные дороги, и все фабрики, и всех врачей, инженеров и ученых, потому что от них все зло, они только делают жизнь тяжелой, а надо работать в поле и ткать себе самим платье без всяких фабрик. Вот он так говорил и сам ходил, как святой, только жаль, что он не был магометанином. Подумайте, лучший индус — и тот не мог понять света ислама, хотя о многом говорил правильно: «Не надо заводов и фабрик, и газет, и книг». Напрасно индусы нас ругают, как грубых и хищных людей, которые хотят индусской крови. Мы любим мир и труд, и мы даже этот сад, так опустошенный индусами, назвали в честь его именем Ганди. «Махатма Ганди» — так называется наш зоологический сад. Вы даете рупию, вы признаете, что я заслужил ее. Спасибо, саиб, большое спасибо! Да, я уйду, я больше ничего не скажу. Я скажу только одно слово, пусть простит саиб, все-таки тигры налево по той дорожке и лучше идти отсюда не прямо, потому что там пустой крокодилий бассейн, он закрыт — крокодилы в ремонте, они спят — сейчас зима! Поэтому, пожалуйста, налево, к тиграм, и милость аллаха пусть будет с вами!

БЫТ И НРАВЫ ЗА РУБЕЖОМ

РАБСКИЙ ТРУД ПОД БРИТАНСКИМ ФЛАГОМ

(Из путевых записок советского моряка)

В Аден наш пароход пришел ночью. Собираясь пополнить запас угля, мы отдали якорь на рейде.

В порту, окаймленном скалистыми берегами, стояли торговые суда и военные корабли, над вершинами скал парили самолеты. Аден — транзитный порт, лежащий на пути из Европы в Азию, это английская крепость в воротах Красного моря и Индийского океана.

Первыми явились на наше судно английский офицер из управления порта, таможенник и два полисмена.

Полицейский обратился к капитану:

— По долгу службы должен вас предупредить, что наши грузчики — народ ненадежный. Закрывайте двери, иллюминаторы и берегите ценные предметы...

Катер подвел к борту несколько барж с углем, поверх которого сидели грузчики. Их было около пятисот человек. Мы стали всматриваться в людей, о которых нас предупредил английский полисмен. Это были оборванные, полуголые арабы, глубокие старики, напоминавшие живые мощи, истощенные юноши и хилые дети.

У агента, поставлявшего нам уголь, мы спросили:

— Зачем понадобилось так много грузчиков? Мы ведь берем всего шестьсот тонн угля.

— Видите ли, — ответил агент, — мы считаем, что эти люди производительней лебедок. Мы подвесим с обоих бортов деревянные трапы, поставим плечом к плечу людей — и дело пойдет!

Он весело рассмеялся и добавил:

— Вы думаете, что такая погрузка обойдется вам дороже? Не беспокойтесь, она будет стоить намного дешевле, это у нас проверено годами...

Деревянные подмостки и сходни были налажены. Раздалась команда, и нескончаемая цепь корзин с углем пошла по человеческим рукам в судовой бункер.

На наших глазах араб подхватывал тяжелую корзину у левого соседа и передавал ее правому, затем поворачивался влево, хватал следующую корзину и опять передавал ее вправо. Палящее солнце жгло человеческие тела, пот градом катился с измученных лиц.

Черным потоком уголь лился в угольные ямы, где старики и дети засыпали им каждый метр пустой кубатуры. Железные борта парохода, раскаленные солнцем, дышали жаром, сухая, едкая пыль стояла в ямах плотным, черным туманом.

Мы отчетливо видим, как слабеют руки подростка, подгребающего уголь огромной лопатой. Но уголь черной лавиной продолжает вливаться в бункер, его нужно быстро, очень быстро отбрасывать. Вот силы мальчика иссякли, лопата вываливается из рук, и он в изнеможении падает на уголь. Но во тьме уже раздается злобный голос десятника, на худенькие ноги ребенка сыплются удары палки. Мальчик лежит неподвижно и только изредка глухо стонет.

Механик нашего парохода вырвал палку из рук десятника. Тот с нескрываемым изумлением посмотрел на русского моряка, который помешал избиению цветного человека...

Грузчики Адена.

Фото П. Белова

— Сколько тебе лет? — спросили мы избитого мальчика.

— Десять, — ответил он. На впалых щеках, покрытых угольной пылью, были видны потоки слез.

— В школу ходишь? — задали мы ему второй вопрос.

Окружившие мальчика дети и подростки наперебой заговорили по-арабски, помогая своему товарищу ответить. Построив коекак английскую фразу, он сказал:

— Нет! Для арабских мальчиков нет школы.

Затем глаза мальчика сверкнули ярким блеском. Было заметно, что его осенила новая мысль. Он, видимо, нашел более точный ответ.

— Но мони — но скул! (Это означало: «Нет денег — нет школы!»).

Невдалеке от нас стоял пассажирский пароход. По его палубе лениво прохаживались важные леди и джентльмены. Они были облачены в легкую белоснежную одежду, головы их защищали от солнца широкополые соломенные шляпы, на ногах была открытая, легкая обувь, на глазах — темные очки. Они разглядывали черных, оборванных грузчиков, как экзотических животных. Джентльмены развлекались: бросали мелкие монетки в воду, а арабские ребятишки ныряли за ними. Иногда раздавался крик, предупреждающий о появлении акулы, и дети поспешно взбирались по канатам на баржи. Богачи на палубе весело смеялись...

Угасал день, утихала жизнь порта. Уехали грузчики. Меднокрасный диск солнца опустился к горизонту. От высоких скал потянулись длинные черные тени.

На тяжелых якорях стоял в порту английский военный корабль, залитый багровым светом, с поднятыми жерлами орудий. Он стоял под британским флагом, на страже интересов тех, кто превратил народ Адена в раба на его собственной земле!..

Яков ЭНКУР

А. А. Киселев. БОЛОТО В ЛЕСУ. 1893 г.

Из акварельного фонда Государственной Третьяковской галереи.

А. А. Киселев. ПЕЙЗАЖ. 1894 г.

Из акварельного фонда Государственной Третьяковской галереи.

ДВА СПЕКТАКЛЯ О НЕЗАБЫВАЕМОМ

«Незабываемый 1919-й» Вс. Вишневского в Малом театре и в ЦТКА

Борис ЛАВРЕНЕВ

«Незабываемый 1919-й» не только большая творческая удача Всеволода Вишневского, но и свидетельство полной зрелости его драматургического таланта, преодолевшего трудности роста и уверенно вышедшего на ясный путь строгого и точного реалистического искусства. В «Незабываемом 1919-м» все компоненты драматического произведения: тема, сюжет, композиция, обрисовка характеров и образов, язык — находятся в состоянии полной согласованности и равновесия, и именно такая законченность и стройность, реалистический метод отражения жизни подымают пьесу на большую высоту.

В этом произведении Вишневский остался верен своей генеральной теме — гражданской войне. Пьеса повествует об одном из самых ярких эпизодов борьбы за становление советского государства — о доблестной защите революционного Петрограда от белогвардейцев и интервентов в тяжелой обстановке, осложненной предательским мятежом, поднятым летом 1919 года изменниками на форту «Красная Горка».

В этот трудный для молодого советского государства час Владимир Ильич Ленин направил своего верного ученика и соратника товарища Сталина возглавить дело обороны колыбели революции — Петрограда — и разгромить белогвардейско-интервентские банды.

Товарищ Сталин, прибыв в Петроград, обнаружил в городе змеиное гнездо контрреволюции, воспользовавшейся полной растерянностью петроградских органов власти и предательской политикой троцкистского отщепенца, агента иностранных разведок Зиновьева. Подлый враг народа сознательно разваливал обороноспособность Петроградского гарнизона и фронтовых частей и по заданию Троцкого готовился провести в жизнь вероломные приказы об эвакуации города и уничтожении Балтийского флота, чтобы открыть врагу возможность беспрепятственного проникновения в глубь страны для нанесения удара с севера по Москве.

С гениальной прозорливостью товарищ Сталин мгновенно разобрался в сложной и грозной обстановке. Опираясь на силы и непоколебимый энтузиазм петроградского рабочего класса, на беспредельную преданность и боевую спайку массы военных моряков Балтфлота, Сталин ликвидировал разложившуюся верхушку петроградского руководства, выдвинул на командные посты преданных партии закаленных бойцов, мобилизовал рабочие отряды и обезглавил внутреннюю контрреволюцию, готовившую удар в спину Петрограда.

Части Красной Армии, оздоровленные и почувствовавшие настоящее боевое руководство, бросились в бой за советскую власть, за славный город на Неве, первым поднявший великое знамя Советов.

Войска генерала Родзянко были разгромлены у стен Петрограда, английская эскадра адмирала Коуэна, потеряв под ударами балтийцев ряд кораблей, бесславно уплыла восвояси. Мятеж на «Красной Горке» был подавлен, Петроград спасен. Обо всем этом и рассказывает пьеса Вишневского.

Самой большой удачей драматурга является образ Иосифа Виссарионовича Сталина. В ряде жизненно и полнокровно написанных эпизодов Сталин предстает перед нами как боевой соратник Ленина, как крупнейший государственный деятель и политик нового типа, неразрывно связанный с народными массами, опирающийся на эти массы и отдающий все силы, знания и уменье на благо трудового народа.

Товарищ Сталин показан в пьесе как боевой вождь, военачальник-новатор, создающий на основе исторического опыта и традиций новую военную науку, науку армии победившего социализма. Он ломает застывшие догмы и вводит в жизнь новые методы и приемы военного искусства, порожденные революцией.

Сталин изображен в пьесе как друг и товарищ каждого простого и честного человека, идущего в великом строю бойцов и строителей коммунизма.

Вишневскому удалось с большим мастерством написать выразительный и запоминающийся портрет вождя, убедительно рассказать о нем средствами художественного слова.

В этом плане наиболее ярки вторая и пятая картины пьесы. В первой из них показаны решительные действия товарища Сталина по ликвидации растерянности и паникерства в рядах руководящего политсостава армии. Во второй — организация товарищем Сталиным встречного удара всей силой Балтфлота по белогвардейцам и мятежникам, по пробравшимся в штаб изменникам, пытающимся обосновать отказ от использования боевой мощи кораблей требованиями «так называемой науки».

Без тени гротеска и карикатуры, реалистически убедительно показан Вишневским стан врагов революции, предателей из среды старого офицерства, шпионов и диверсантов — отечественных и иностранных.

Блестяще написан образ военного моряка-чекиста Шибаева. Менее удались драматургу питерские пролетарии, верные помощники Сталина в разгроме контрреволюционных сил. Рабочие написаны как-то на одно лицо и мало запоминаются.

«Незабываемый 1919-й» поставлен на сценах столицы в двух театрах — Центральном театре Красной Армии и академическом Малом. Оба театра приложили немало усилий, чтобы как можно ярче донести до зрителя боевую, волнующую пьесу Вишневского.

Сравнивая работы обоих театров, нужно в первую очередь сказать, что в силу размеров и возможностей сцены ЦТКА спектакль в нем внешне выглядит значительно грандиознее и «масштабней», чем спектакль Малого театра. Этому впечатлению грандиозности способствует работа художника Н. Шифрина, умело использовавшего огромное пространство сценической площадки ЦТКА.

В Малом театре очень хорошее, сделанное с большим вкусом оформление покойного И. Федотова решено в более камерном плане. Поэтому десятая картина, действие которой развертывается на открытом пространстве берегового участка фронта, в ЦТКА выглядит значительно более впечатляюще, так же как и импозантная квартира Буткевичей.

В отношении исполнителей роли товарища Сталина необходимо отдать предпочтение артисту Б. Горбатову (Малый театр), так же как и М. Штрауху, играющему роль В. И. Ленина. Исполнители этих же ролей в ЦТКА артисты А. Иванов и Б. Ситко играют добросовестно, но без особого блеска и убедительности.

Уполномоченного Особого отдела военмора Шибаева в Театре Красной Армии играет П. Константинов, в Малом театре — И. Ильинский. При разной трактовке образа Шибаева оба исполнителя на большой высоте, и трудно отдать кому-нибудь первенство.

Превосходно играет в ЦТКА английского шпиона Дэкса артист А. Попов. Этот молодой, одаренный художник сцены растет с каждой новой ролью. Исполнение этой же роли в Малом театре артистом Б. Телегиным значительно слабее, шаблоннее. То же можно сказать по поводу двух исполнительниц роли шпионки мадам Буткевич, которую играют в ЦТКА Л. Добржанская, а в Малом С. Фадеева. У Добржанской Буткевич сделана с исключительной тонкостью и яркостью характеристики, у Фадеевой — несколько бледнее.

Запоминается в обоих спектаклях бывший капитан первого ранга Рыбалтовский в безукоризненной игре народных артистов А. Хохлова и Н. Комиссарова.

Оба спектакля свидетельствуют о том, что и Театр Красной Армии и Малый театр с вниманием и любовью отнеслись к пьесе Вишневского и сделали все, чтобы правдиво отразить на сцене грозовую обстановку незабываемого девятнадцатого года, образы вождей революции и ее беззаветных бойцов, отдававших жизни за становление советской власти.

Сцена из спектакля «Незабываемый 1919-й» Вс. Вишневского в Центральном театре Красной Армии.

Фото А. Гладштейна

«Незабываемый 1919-й» Вс. Вишневского в Малом театре. Слева направо: народный артист СССР И. Ильинский в роли Шибаева, заслуженный артист РСФСР Д. Павлов в роли Воронова.

Фото Б. Борисова

Китайский танец с барабанами.

Поэзия народного танца

В. ГОРОДИНСКИЙ

У великого польского поэта Адама Мицкевича в поэме «Пан Тадеуш» есть гениальное изображение полонеза, национального танца, развившегося до степени сложного церемониального представления. Картина, нарисованная Мицкевичем, изумительна: мы слышим здесь и звон цимбал, и чудесные волынки, пение скрипок, и восхищенные возгласы по адресу старого Подкомория: «Ах, то, может быть, последний! Смотрите, молодые! Может быть, последний, кто так водит полонез!». Мы видим, как пара за парой в церемониальном танце на зеленой мураве движутся танцующие, как блещут глаза учтивых кавалеров в старинных кунтушах, в конфедератках с перьями, видим лукавые улыбки дам.

«Как бесконечный змей меняет переливы,
Менялась радуга костюмов их красивых:
Мужские, дамские, блестевшие богато,
Играли чешуей под золотом заката».

Но чего ради мы вспомнили о полонезе «Пана Тадеуша»? Ведь мы собираемся здесь писать о новой программе Государственного ансамбля народного танца СССР, о программе, в которой есть и русские, и молдавские, и таджикские, и венгерские, и китайские, и корейские танцы, но вовсе нет ни полонеза, ни вообще польского танца...

И все-таки нам не случайно вспомнилась картина из «Пана Тадеуша». Описание полонеза Мицкевича замечательно как поэтическое изображение танца и притом изображение, прямо раскрывающее содержание, или, как говорят профессионалы, поэтическую программу танца. А всякий, кто внимательно наблюдает развитие ансамбля народного танца и балетмейстерскую работу Игоря Моисеева, должен будет согласиться с нами в том, что все движение ансамбля идет по пути программной хореографии.

Программны большая русская сюита «Времена года», и молдавский трудовой танец «Косари», и хореографическая картина «Партизаны», и китайский танец с барабанами.

Народный танец сплошь и рядом представляет собой произведение сюжетное, и тяготение Игоря Моисеева к большим сюжетным композициям в танце коренится в самой природе народной пластики.

Игорь Моисеев много и успешно работает в области русского народного танца, и сюита «Времена года» очень интересна именно тем, что она продолжает линию программных исканий в этой бесконечно огромной области русского народного искусства. Конечно, в первой, «Зимней», части сюиты есть нечто от «Снегурочки» и Островского и Римского-Корсакова. Речь идет не только о внешней стороне дела. Не только о белых костюмах и шапках-берендейках у парней, расписных коромыслах на плечах девушек. Но круговой танец с дробным пристукиванием каблучками, игра в снежки, веселое похлопывание руками на морозе — это картинка, выхваченная прямо из жизни. Это русская снежная зима с ее особым ароматом, чистым, холодным, как ледяной кристалл, воздухом.

Зритель с наслаждением смотрит «зимние» танцы и игры в сюите «Времена года», но в этой хореографической сцене немало спорного.

Мы не видим ничего ошибочного в некоторой «балетности» дуэта Алеши и Маши, но здесь есть движения, совершенно чуждые именно русскому народному танцу. Вряд ли в национально-русском танце встречается характерный прием «поддержки», сразу превращающий партнеров в балетных «кавалера и даму». Каждый народный танец характеризуется своим, особым, выработанным вековым развитием циклом пластических движений. Русскому же танцу приемы, встречающиеся в лирическом дуэте Маши и Алеши, совершенно чужды. И поэтому, несмотря на то, что Т. Зейферт и Л. Голованов танцуют этот дуэт прекрасно, он кажется каким-то вставным номером, посторонним вкраплением в целостную хореографическую ткань сюиты.

В этом смысле «Лето», вторая часть сюиты, отличается гораздо большим художественным единством. Здесь все чрезвычайно ярко — и пылкий, живой танец, и костюмы в розовых, красных, зеленых тонах, и лихой перепляс парней с балалайками и девушек под стук собственных каблуков. Вообще огненный, задорный перепляс — явление очень типичное для русского танца — замечательно удается Моисееву еще со времен «Подмосковной лирики».

Финал сюиты сделан блестяще во всех отношениях. Это настоящий разгул плясовой стихии.

На балетных дискуссиях почти обязательно возникает и очень скучно обсуждается вопрос о танце и пантомиме и непременно раздаются горькие жалобы на то, что танца мало, а пантомимы много и прочее в том же духе. Нам думается, однако, что сплошь и рядом вопрос этот возникает в силу чистейшего недоразумения. Пантомима в народном танце занимает очень важное место, но она сама насквозь танцевальна.

В самом деле: что преобладает в таджикском трудовом танце «Нон-Бозы», поставленном А. Исламовой в новой программе ансамбля народного танца? Танец это или пантомима? Вопреки ходячим представлениям о танцевальном искусстве, в танце участвуют отнюдь не только ноги, но и руки и лицо — все тело. Даже традиционное равнодушное, неподвижное лицо в плясках северных народов на самом деле требует очень большого мимического мастерства. В танцах же народов Востока мимика и жестикуляция играют роль совершенно исключительную. «Нон-Бозы», превосходно поставленная А. Исламовой, служит отличным доказательством верности этого утверждения.

«Нон-Бозы» — прелестная миниатюра, и все три ее исполнительницы: Ю. Грабекина, О. Губанова и В. Пак — заслуживают всяческой похвалы. Но настоящей солисткой в этом танце, конечно, является В. Пак — очень молодая, блестяще одаренная артистка. Жест ее необычайно выразителен, а мимика виртуозна.

«Нон-Бозы» исполнена очаровательной грации, самого тонкого изящества, удивительной жизнерадостности, пленительной и тогда, когда освещает самые скромные уголки народного быта.

Из двух молдавских танцевальных картин «Косари» и большой молдавской сюиты, состоящей из

трех народных танцев: «Хора», «Чиокырлия» и «Жок»,— предпочтительна сюита.

«Границы отдельных искусств отнюдь не столь абсолютны и замкнуты, как это полагают теоретики: искусства ежеминутно переходят одно в другое, один род искусства находит свое продолжение в другом», — говорил Ромэн Роллан. Молдавский танец подтверждает эту мысль. Это в полном смысле слова зримая музыка. Возможна ли медленная, лирическая «Хора» без протяжной заливающейся, как соловьиное пение, томной и страстной мелодии дойны! Каждое движение «Хоры» словно рождается в этом богато орнаментированном напеве, свидетельстве древних и сложных связей молдавского народа с Востоком. Но и не только с Востоком. Плавно движутся девушки под звуки «Хоры», в томном истоме ведут танец, сходный по рисунку и с болгарским и русским, потому что издавна молдавский народ побратался с народами великой славянской семьи.

В музыке и танце молдаван многое родственно и русской, и украинской, и болгарской музыке. Но молдавский танец сродни и венгерскому и румынскому — стоит внимательно приглядеться к пылкой «Чиокырлии» или «Жоку», чтобы убедиться в этом. «Чиокырлия» — лихой мужской танец, пронизывающий сердца зрителей каким-то страстным упоением.

Язык национального танца так же понятен зрителю, как язык народной музыки. Он понятен даже тогда, когда музыкальная речь танца по своему строю очень далека от родной музыкальной речи зрителя. Мы с величайшим наслаждением смотрим корейский танец в исполнении В. Пак и в короткий срок научились понимать и любить корейскую народную песню. И нам не только понятен китайский танец с барабанами; он захватывает нас своею мужественной силой, этот танец великого вольнолюбивого народа, народа героических тружеников и героев-воинов.

Китайский танец с барабанами — крупнейшая удача и ансамбля в целом и его руководителя — балетмейстера Игоря Моисеева. Сколько раз мы видели танец с барабанами в журнальных и газетных фотоиллюстрациях, в зарисовках колоссальных народных шествий в Пекине! Не удивительно, что москвичи с таким восхищением всматривались в движения танцоров. Этот танец и в самом деле великолепен. Когда при первых глухих ударах больших литавр появляются шеренги статных юношей в синих, ловко охватывающих стройные фигуры костюмах с красными кушаками, с звенящими колокольчиками у щиколоток ног, когда, мерно ударяя в конические, длинные барабаны, танцующие то выстраиваются цепью, то образуют сложные круговые фигуры, когда выходят девушки, высоко поднимая над головами горящие, как жар, золотые диски-тарелки, — публика разражается бурей аплодисментов.

В звоне тарелок, в грохоте барабанов, в глухом стуке литавр рождается величественная хореографическая картина-программа, содержание которой необычайно рельефно. Китайский танец с барабанами есть танец ликования свободного и торжествующего народа, танец великого патриотического подъема, танец, рождающийся сам собою, когда уже ни слово, ни даже песня не могут выразить всего, что наполняет душу человека...

Хореографическая картина «Партизаны», показанная в новой программе, на наш взгляд, не только интересна, но во многих отношениях замечательна. Изобретательность И. Моисеева поистине неистощима, но самое главное, что он и здесь, несомненно, опирается на опыт народных игр и танцев. Имитация едущего на коне всадника часто встречается в ритмопластических играх многих народов, например, у казахов, а ее элементы почти постоянно можно наблюдать у народов Закавказья.

В «Партизанах» И. Моисеева достигнута иллюзия полная: конники в длинных бурках положительно «едут» по кругу, меняют строй, выезжают по двое, по трое, по четверо. Уже «выезжающий» первый — конный разведчик — заставляет забывать о том, что никаких коней на сцене нет, что это только танец и пантомима. Разведчик всматривается из-под руки вдаль, и когда прибывает отряд с командиром во главе (командир, кстати, особенно хорош), с замыкающим в абхазском черном головном уборе, у нас уже нет никакого сомнения в том, что это «всамделишный» партизанский отряд.

Партизаны показаны не только в конных переходах и разведке, но и на отдыхе. Хороши они во всех эпизодах. Движения, найденные балетмейстером в этой хореографической картине, могут послужить для многих новых начинаний в советском реалистическом балете.

* * *

Новая программа ансамбля народного танца СССР принесла коллективу вполне заслуженный успех. Успех этот был бы еще полнее, если б были устранены элементы излишней театрализации и лучше обставлена музыкальная часть. Мы вовсе не хулим оркестр ансамбля. Под управлением дирижера С. Гальперина он играет хорошо и стройно. Но то, что в программе называется музыкальной обработкой народных мелодий,— это всего лишь составительство, а не художественное сочинение. Между тем ансамбль поднялся уже на такую ступень, когда почти для каждого более или менее значительного номера программы, особенно для хореографических сюит и картин, требуется специально написанная музыка. Для этой цели ансамбль может и должен привлекать лучших советских композиторов. Нужно ли говорить о том, как много это может значить для достижения целей, поставленных перед творческим коллективом?!

Таджикский трудовой танец «Нон-Бозы» исполняют Ю. Грабекина, В. Пак, О. Губанова.

Русская сюита «Времена года». «Лето».

Фото П. Евгеньева

Александр Романович Носач показывает молодым физкультурникам, как нужно держать диск.

Под зимним солнцем

Мастер спорта В. ПУШКИН

Первое, что сделал Александр Романович, поднявшись утром с постели,— это взглянул на термометр, прилаженный за окном. И хотя от окна, испещренного морозными узорами, веяло холодом, Александр Романович радостно произнес:

— Сегодня опять можно тренироваться на свежем воздухе в полную силу!

Кажется, погода решительно была на стороне легкоатлетов шахты № 1 имени Челюскинцев...

Когда еще в шахтерских городах и поселках Сталинской области зеленели газоны скверов и парков, когда еще розыгрыш футбольного кубка был в самом разгаре, физкультурники енакиевской шахты «Юный коммунар» подумали о зиме и призвали всех легкоатлетов Донбасса тренироваться на свежем воздухе круглый год.

Это даст, говорили они, возможность и метателям, и бегунам, и прыгунам сохранять спортивную форму в зимние месяцы, непременно повысит класс всех тренирующихся, оздоровляя и закаляя их. В самом деле, каким бы удачным ни был сезон для спортсмена, как бы хорошо он ни подготавливался за лето,— наступала зима, и ему приходилось резко свертывать свои тренировки. Кропотливую работу с весны надо было начинать сначала.

Правда, в шахтерских клубах, Дворцах культуры, которых множество выросло в Донбассе, имелись прекрасные гимнастические залы. Но разве в зале можно тренироваться в полную силу, скажем, метателям, прыгунам с шестом или бегунам на длинные дистанции? Волей-неволей приходилось терять с таким трудом приобретенные навыки, тускнела техника, неминуемо уходила прочь «боевая форма».

Инициатива енакиевцев была подхвачена. Специалисты Сталинского областного и городского комитетов физкультуры составили методическое письмо, в котором рассказывалось, как подготовить беговую дорожку для занятий зимой, как устроить ямы для прыжков и секторы для метания, как сохранять их на протяжении всей зимы.

Когда такое письмо появилось в Петровском районном комитете физкультуры, Александр Романович Носач познакомил с ним свой коллектив. А когда выпал снег и землю сковал первый морозец, легкоатлеты шахты № 1 вышли на строительство спортивной площадки, предназначенной специально для зимних занятий. По всей области этой зимой закипела работа по строительству таких площадок...

Нужно было вырыть яму для прыжков, для мягкости сначала устелить дно ее хворостом и соломою, а потом заполнить яму до краев опилками и мелкими стружками. Требовалось как следует укатать беговую дорожку и посыпать ее песком. Надо было перетащить из клуба недавно сделанные самими же физкультурниками огромные деревянные щиты для метателей. Работы предстояло много.

«Дня за два справимся»,— подумал тогда Александр Романович. Но он ошибся. Площадка была оборудована за один день.

Все сто двадцать членов легкоатлетической секции пришли в то воскресное утро, чтобы помочь общему делу, и в первую секунду Александр Романович просто растерялся: «Ну, куда столько!»

— Дайте нам лопаты,— говорили одни.

— Где топоры? Мы пойдем за хворостом!— кричали другие.

А Иван Петренко, так тот привел на помощь грузовую машину.

— Вот,— сказал он,— песок, хворост возить приехал.

Теперь появилась опасность, что такое количество народу станет только мешать друг другу. Комсорг шахты, подумав, прежде всего предложил освободить от работы девушек.

— Не-ет!— твердо ответили на это девушки.— Мы тоже хотим строить, среди нас тоже есть хорошие спортсменки.

Тогда решили так: метатели будут отвечать за секторы для метания, бегуны — за беговую дорожку, прыгуны — за яму для прыжков, а остальные физкультурники пусть берутся за лопаты, ломики, топоры и выполняют указания своих командиров. И работа закипела.

Навалоотбойщик Александр Тарасиков, один из лучших метателей, организовал бригаду по доставке песка, хвороста, стройматериалов, и вскоре к зданию клуба, возле которого строилась площадка, всего навезено было больше, чем требовалось.

А в это время тяжелым катком укатывали беговую дорожку, посыпали ее песком. Когда же незадолго до темноты были уже готовы и ямы для прыжков и сектор для метания, чемпионка по бегу Раиса Кузякина, порозовевшая от работы и от мороза, в раздумье проговорила, глядя, как на руку, с которой она сняла рукавичку, падают снежинки:

— Для секторов-то сделали щиты, сектора накроете от снега, а дорожку? Пусть заваливает?

— Ничего с ней не будет, с твоей дорожкой!— уверенно сказал метатель Марфусев...

— Не говори, Гриша, пожалуйста,— упрямо повторила Кузякина,— вон он как повалил!

— Придумаем что-нибудь и для дорожки,— сказал Александр Романович,— не завалит! Об этом уже беседовали в райкоме угольщиков. Стройматериалы и машину дали нам, дадут и фанеру на дорожку!

Первые занятия на открытом воздухе были назначены на следующее утро. Александр Романович хорошо помнит, с каким волнением он готовился к этой тренировке. Он дважды осмотрел раздевалку, подробно ознакомился со спортивным инвентарем, особенно внимательно проверив спортодежду, и всем остался доволен. Диски, ядра, копья, гранаты, шерстяные шапочки, носки и свитера, лыжные костюмы, прорезиненные тапочки — все это было новое и добротное и заботливо разложено по своим местам.

С того дня легкоатлеты, приходя в раздевалку, быстро переодевались в удобные теплые спортивные костюмы, затем тренер, построив группу, знакомил всех с целями и задачами тренировки, и спортсмены шли на улицу. Понятие о зиме, как о времени, не подходящем для занятий на свежем воздухе, стало отодвигаться в сторону. Теперь можно было тренироваться в полную силу круглый год. Лишь в случае мороза более 16 градусов занятия сокращались или заменялись лыжными прогулками, коньками и другого рода играми на воздухе.

Теперь Александр Романович ежевечерне,

сидя у радио, ждал передачи прогноза погоды и, проснувшись поутру, торопился взглянуть на термометр за окном. Радио ошибалось редко. Вот и вчера оно безошибочно заглянуло в сегодня. А это значит, что в раздевалку перед тренировкой зайдет, как обычно, врач и, пожимая Носачу руку, с улыбкой скажет: «Против сегодняшнего выхода на улицу, Александр Романович, ничего не имею, температура для вас!»

И это очень кстати. Ведь до районных соревнований остались считанные дни! Последние тренировки и именно на открытом воздухе были для каждого чрезвычайно важны. Команда легкоатлетов шахты № 1 имени Челюскинцев этим летом заняла первое место по Сталинскому райсовету общества «Шахтер». Но не намного отстали от них их основные соперники, коллективы шахт имени Молотова и имени Хрущева, и легкоатлеты этих шахт грозили в грядущих соревнованиях оставить челюскинцев позади себя.

...Александр Романович вошел в раздевалку. Там было шумно и многолюдно.

— Все в сборе? — на всякий случай спросил он.

— Все и даже больше! — дружно раздалось со всех сторон. И только тогда Александр Романович заметил, что на длинной скамейке около стены среди готовых к тренировке легкоатлетов сидел боксер — проходчик Виктор Старичков, широкоплечий человек с массивной нижней челюстью.

— Александр Романович,— сказал Старичков просительно, вскидывая густые брови кверху и поднимаясь во весь свой богатырский рост,— меня тренер к вам направил... Говорит, дыхания у меня маловато, надо тебе, говорит, к Александру Романовичу на тренировки походить. Неплохо, говорит...

— Ну, что же, давай,— сказал Александр Романович,— всем места хватит.

Прозвучала команда «Стройсь!» — и все начали строиться.

Врач вошел в раздевалку как раз в тот момент, когда Александр Романович, также в лыжном костюме прохаживаясь перед шеренгой, объяснял цели и задачи тренировки, давал индивидуальные задания и легкоатлеты уже собирались выходить на улицу...

Морозный воздух был чист и приятен, сквозь легкие облака ярким шаром пробивалось солнце, кое-где проглядывало голубое небо.

Начали с ходьбы, постепенно увеличивая темп и переходя на бег, затем пошли по кругу друг за другом, повторяя вслед за тренером различные упражнения: легкоатлет должен быть сильным, выносливым и быстрым.

Александр Романович видел, с каким старанием его ученики делали упражнения, и ему было приятно, что тренировки на улице проходили оживленно и интересно, что благодаря заботам самих физкультурников зимний стадион был удобен для занятий.

Наконец подготовительная часть урока закончена. Теперь начнутся индивидуальные тренировки. Номерщица Нелли Толмачева неплохо бегает сто метров, но она частенько «засиживается» на старте, так как еще не совсем правильно координирует движение корпуса и ног. Она попробует взять сегодня несколько стартов. Значительно лучше могла бы пробежать дистанцию в 200 метров лебёдчица Валентина Мартынова, девушка энергичная и резкая в движениях, но ей необходимо вытренировать правильный шаг...

Переходя от одного физкультурника к другому, Александр Романович показывал, поправлял, помогал ученикам найти более правильное положение и с радостью отмечал их успехи.

А неподалеку по широкой ленте шоссе проносились автомашины. За ним — террикон шахты. По ровной его грани легко взбиралась нагруженная вагонетка. Мерный рокот доносился до стадиона. Обычной, размеренной жизнью жила шахта. Там, под землей, работают сейчас многие шахтеры-спортсмены: навалоотбойщик Александр Тарасиков, камеронщица Раиса Кузякина, проходчик Григорий Марфусев и другие. Стахановским трудом они показывают, как благотворно влияет спорт на труд. И когда гудок оповестит, что утренняя смена окончена, они тоже придут на зимний стадион на тренировку.

Ведь так хорошо на свежем воздухе пробежаться, прыгнуть, толкнуть изо всех сил ядро! После этого любая работа будет спориться, казаться легкой и интересной.

Шахта № 1 имени Челюскинцев (Донбасс).

Иван Петренко толкает ядро.

Старт бега на 100 метров. →

Фото А. Вочинина.

Советы мастеров

Как надо смазывать лыжи

Однажды на тренировке я встретил оживленную компанию молодых лыжников, которым очень понравились мои лыжи.

Я спросил ребят, как они берегут свои лыжи.

К моему огорчению, лыжники об этом деле не имели даже элементарного представления. Оказалось, что большинство из них после прогулки обычно вносят лыжи в помещение и сваливают их в угол. Перед прогулкой лыжи не смазывались специальной мазью и ни разу после покупки не смолились.

Нужно ли доказывать, что от такого обращения лыжи не могут быть хорошими? Чтобы лыжи служили не год, а несколько лет, их надо беречь.

Лыжи не впитывают в себя сырости и хорошо скользят, если их как следует прогреть над огнем и смазать нижнюю часть несколько раз горячей сосновой смолой.

Перед каждой прогулкой или тренировкой опытные спортсмены смазывают лыжи мазью. Такие мази под номерами 1, 2, 3 и 5 легко приобрести в спортивных магазинах.

Для мокрого и ледянистого снега применяется жидкая мазь № 1. Она кладется на края скользящей поверхности лыж ровным слоем, без наплывов — так, чтобы средняя часть лыж — желобок — осталась сухой. Для влажного снега при переменной температуре употребляется мазь № 2. Для смазки лыж на сухой снег при морозах до минус 16 градусов пользуются мазью № 3, а в сильный мороз лучше всего применить мазь № 5.

Полутвердая и твердая мазь (№№ 2 и 3) наносится ровными штрихами по всей длине лыж одним или несколькими слоями (в зависимости от рельефа местности и расстояния). Каждый слой в отдельности разравнивается широкой пробкой или ладонью.

Мази надо положить столько, чтобы ее хватило для хорошего скольжения на всю прогулку. Но увлекаться не следует. Если мази положено много, то она хорошо «держит», но лыжи скользят хуже.

Лыжи, которые перед выходом на прогулку смазывались в теплом помещении, необходимо, прежде чем тронуться в путь, вынести на улицу и остудить (в течение 10—20 минут).

Иногда смазывание одной мазью не дает желаемого результата. Тогда надо добавить другой мази.

В оттепель, в случае недостаточного скольжения мази № 1, следует подмазать переднюю и заднюю части лыж одной из твердых мазей. Добавочная смазка всегда должна производиться только на воздухе.

Каждый любитель лыжного спорта может сам приготовить мазь. Для сухого снега она должна состоять из 34 частей пчелиного воска, 33 частей канифоли, 13 частей говяжьего сала и 20 частей смолы.

Испробовав на прогулках сваренную мазь, лыжник может внести необходимые поправки за счет уменьшения или увеличения тех или иных составных частей.

Необходимо знать, что воск улучшает скольжение, канифоль делает мазь более вязкой, смола придает мази эластичность.

А. ДОНСКОЙ,
заслуженный мастер спорта

Друзья-однополчане

Борис ЛАСКИН

Рисунки И. Семенова

— Вам куда ехать-то, гражданин?.. В Метельцево?.. Садитесь — довезу, мне по пути.

Вы, видать, городские будете?.. А в наши края по делу или так — погостить?.. По делу?.. Понятно. Это я почему спрашиваю, потому — многие в гости приезжают. Вот не так давно каникулы были, студенты, то же самое, на побывку приезжали в родные места. В Москве, к примеру, парень обучается, высшую школу проходит, а все же отца-то с матерью не забывает; это, я считаю, хорошо.

Нынче у нас с вами среда? А вот аккурат в прошлое воскресенье приезжал к нам гость — генерал-майор Каширин, Иван Афанасьич. Это, значит, Афанасия Егорыча, председателя колхоза нашего, сынок.

Никто его на станции не встречал. Прибыл без предупреждения.

Вы сами случайно не знакомы с генералом Кашириным?.. Это исключительно боевой генерал, Герой Советского Союза. С лица красивый, сам рослый, осанистый. Ежели вы кино смотрели «Далеко от Москвы», там начальник строительства показан, Батманов. Вот на него генерал Каширин сильно похож.

Да. Прибыл, стало быть, Иван Афанасьич, из вагона вышел, а я на станции приезжих выглядываю: кого, значит, по пути прихватить. Вдруг вижу: погоны золотые блестят. Мать честная, генерал!..

Ну, я к нему подхожу строгим шагом, потому — все же устав понимаю, служил в свое время, и так говорю: «Здравия желаю, товарищ генерал!..» А сам руку к шапке — честь отдаю.

Гляжу: он меня, то же самое, приветствует, глаза щурит, вглядывается и вдруг говорит: «Батюшки!.. Неужели дед Столет?..»

Я говорю: «Так точно, товарищ генерал!..»

Ну, тут он, конечно, за ручку со мной поздоровался и говорит: «Сколько же мы с тобой, дед, не виделись?..» Я говорю: «С сорок пятого, когда вы после победы приезжали. Разрешите,—говорю,— товарищ генерал, доставить вас до места, в отцов дом!..» «С удовольствием, — говорит, — поехали!..»

Да. Ну я отвлекусь, пояснить хочу, почему именно меня так прозвали — дед Столет. А это потому, что годам своим я счет потерял. Вот какое положение...

Сел, значит, генерал в мои сани. Я коня кнутом огладил. «Но-о, — кричу, — «Черчилль»!..» А генерал смеется. «Это кто же,— спрашивает,— «Черчилль»?..» Я говорю: «Да вот мерин, старый, а с норовом. Он тебя и укусит и задом вдарит. Одним словом,— говорю, — имечко по характеру схлопотал».

Едем мы, стало быть, с генералом, беседуем. «Надолго?» — спрашиваю. «Нет, — говорит, — на один день. Больше, — говорит, — к сожалению, не могу. Дела».

Ну, я вопросы, конечно, ему задаю. «Как,— спрашиваю,— Иван Афанасьич, международное положение на сегодняшний день?..» А он отвечает. «Международное,— говорит,— положение довольно напряженное». Я говорю: «Понятно. А напрягает его кто?.. Нагло-американский блок?» А он смеется. «Какой,— говорит,— блок? Нагло-американский?.. Может, ты,— говорит,— думаешь, англо-американский?..» А я говорю: «Один чорт!.. Очень,— говорю,— я международной политикой интересуюсь. К нам,— говорю,— недавно из города лектор приезжал, так я его вопросами до того одолел, еле он отбился. Вот,— говорю,— какое положение».

Генерал говорит: «Это хорошо, что ты в курсе событий». «А как же,— говорю,— я в клубе газеты читаю — «Известия», районную нашу, журналы «Советский Союз», «Молодой колхозник». Митька Жарков, — говорю, — тракторист, смеется. «Тебе, — говорит, — дед, сто лет в обед, а ты «Молодого колхозника» читаешь». А я говорю: «Верно, сам-то я старый, а колхозник я молодой, с тридцатого года».

Генерал, то же самое, засмеялся. «Замечательно,— говорит,— ответил! Остроумно!» А я говорю: «Сатиру и юмор понимаем». Не зря, думаю, все же «Крокодил»-то выписываем.

Едем это мы так, генерал спрашивает, как живем да как дела в колхозе. Ну, я, безусловно, освещаю вопрос, как мы укрупнились, докладываю, как доход на трудодень возрос,— одним словом, даю полное обозрение нашей колхозной жизни.

Поровнялись мы с электростанцией — она у нас малость на отлете. «Вот,— говорю,— товарищ генерал, прошу обратить внимание: наша колхозная энергетическая база, стройка коммунизма,— говорю,—местного значения. У нас этой техникой Пронин Егор Матвеич заправляет, кавалер четырех орденов».

Гляжу: генерал заинтересовался. «Это,— говорит,— какой же Пронин? Случайно не гвардии старшина?..» Я говорю: «Точно. Он самый». «Ну,— говорит генерал,— старый знакомый. Я его отлично помню. Он под Кюстрином отличился, я ему после боя награду вручал. Интересно, — говорит, — дед, никого здесь больше нет из моих однополчан?..» Я говорю: «Трудно сказать, товарищ генерал. Бывших-то фронтовиков много, но кто именно под вашим командованием служил, это я, конечно, не знаю. Помнится вот, Лопахин Никита аккурат по осени у вашего папаши, у Афанасия Егорыча, в правлении большой шум поднял. Два духовых оркестра закупить требовал. Афанасий-то Егорыч, помню, говорит ему: «У тебя уже один полный духовой набор имеется, ты,— говорит,— репертуар обеспечь в первую очередь. Только,— говорит,— ты и знаешь вальсы играть». Ну, тут Никита разбушевался. «В кого,— кричит,— вы, товарищ председатель, такой мелочный? Я, — кричит, — с вашим сыном, с полковником Кашириным,— это, значит, в ту пору вы еще полковником были — от Смоленска до Берлина дошел!..» Ну, тут, конечно, папаша не устоял, сдался, отвалил ему на второй духовой оркестр.

Генерал засмеялся, спрашивает: «Ну и как, репертуар обеспечил?..» Я говорю: «А как же!.. Наш,— говорю,— колхозный оркестр в области на смотре такое выступление дал, что в Поленовском районе все руководство, можно сказать, в голос рыдало».

Генерал говорит: «Это что же, расчувствовались, что ли?» Я говорю: «Нет, зачем! Это они от зависти, что им второе место досталось». Вот какое положение.

К слову сказать: Лопахин, он за дирижера у нас, красиво дело поставил. Оркестр-то под его командой классические произведения богато исполняет. Помню, я в клуб зашел, репетиция у них была. Я говорю: «Никита, исполни,— говорю,—«Где же вы теперь, друзья-однополчане?..». А он на меня этак глянул и заявляет: «Твои,— говорит,— дед, однополчане на пенсию давно вышли, правнуков качают. Ты,— говорит,— лучше посиди, послушай, мы в твою честь сыграем увертюру из оперы «Кармен».

Да. Едем мы с генералом, с Иваном Афанасьичем, он меня, старого, слушает, а сам все по сторонам глядит: ведь родные места-то. Он у нас шесть годов не был, а за это время многое изменилось: и дома новые поднялись и постройки. Понятное дело, растем!

Въехали мы, значит, в село. «Куда,— спрашиваю,— товарищ генерал?». «Домой», — говорит. «Есть домой!..».

Едем улицей, а тут ребятишки нас увидели, ну, безусловно, за нами увязались. Генералы-то, ведь они не каждый день приезжают.

Доставил я гостя до места, а он мне: «Зайдем,— говорит,— дед, а то как бы не простудился: день морозный». Я говорю: «Понятно. С превеликим удовольствием».

Зашли. Ну, тут известное дело, радостная встреча. Афанасий Егорыч сына обнимает. Мамаша Анна Власьевна — та в слезы: Ванюша приехал!..

Ну, обогрелся я с мороза, принял рюмочку, а генерал-то приглашает. «Вечерком, — говорит, — заходи, дед».

Отправился я домой, а генерал тем временем с отцом колхозу смотр сделал. Всего-то, конечно, за день у нас не обойдешь, но генерал многим поинтересовался. Видать, сильно порадовался нашим достижениям...

Почему я в том уверен — потому, когда вечером к Афанасию Егорычу в дом зашел, гляжу: там гостей полно. Безусловно, стол накрытый, а за столом генерал, отец, мать, Гусаров Михаил Антоныч — секретарь партийной организации, Пронин, Лопахин. Эти оба ордена надели с медалями. Вид у обоих боевой, геройский. Всех, кто за столом сидел, называть не стану, тем более они вам люди незнакомые.

Пришел я, значит, а генерал Иван Афанасьич вроде как бы речь держит.

«Дорогие,— говорит,— мои земляки. Радостно и приятно мне сидеть сегодня среди вас. Очень я жалею, что мало у меня времени. Походили мы нынче с отцом да поездили, и прямо скажу вам: огромнейших вы успехов добились. Но народ-то вы беспокойный — вот однополчане подтверждят,— на достигнутом успокаиваться не любим. Вперед и вперед — это закон для нас что на войне, что в тылу. Вон за океаном-то правители ночей не спят, войну хотят заварить. Задумал нас запугать, как дед Столет говорит, нагло-американский блок, но ничего, у нас нервы крепкие и силы, я думаю, хватит. А?.. Как думаете, гвардейцы?..»

Тут, значит, Пронин, Лопахин, еще трое из фронтовиков встают, говорят: «Так точно, товарищ генерал!..».

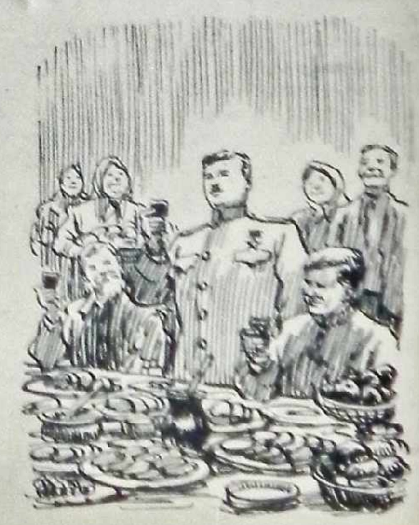
«А раз такое дело, прошу,— говорит,— поднять бокалы за Родину, за Сталина, за мирный наш труд и за нашу Советскую Армию!».

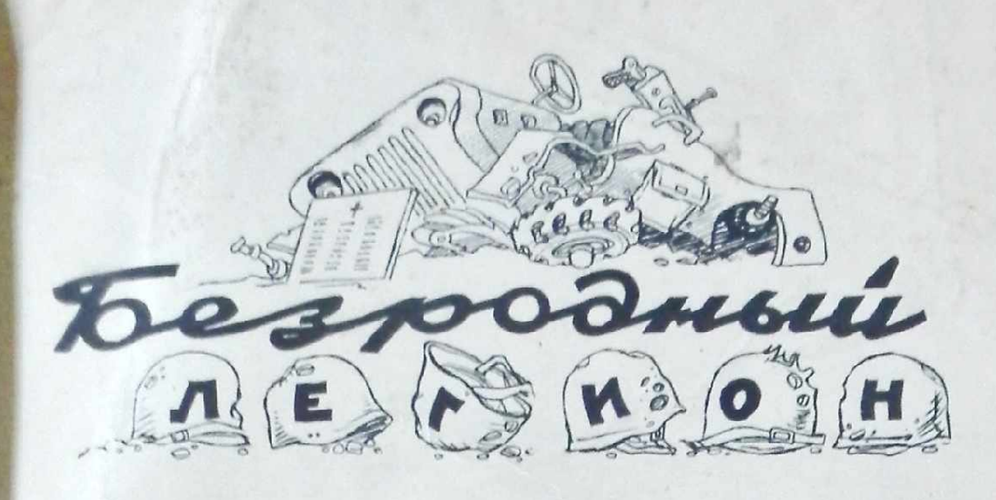
Чокнулись все и выпили, а после Лопахин баян достал и запел:

Майскими короткими ночами,
Отгремев, закончились бои,
Где же вы теперь, друзья-однополчане,
Боевые спутники мои?..

Подхватили все хором, а я думаю: «Чего ж песня так вопрос ставит: «Где же вы теперь, друзья-однополчане?..» Вот ведь они рядом, сыны наши, орлы боевые!..»

Вот какое положение.

В одной американской дивизии на Дальнем Востоке 60 процентов солдат носят фамилию Смит.

1

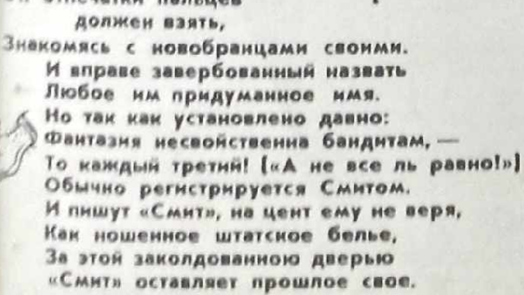
Под населенным пунктом Хито [Хото]
Есть свежий холм. Под ним в туманной
мгле
Состав второй американской роты
Лежит в корейской выжженной земле.
Им вместо обелиска — смятый «джип»,
И на доске, что к «виллису» прибита,
Торжественная надпись: «Здесь лежит
Вторая рота — сто четыре Смита».
Легли здесь от корейского огня
Комплектами, как в массовой продаже,
Смит, Смит и Смит...
Родня! Нет, не родня,
Они и не однофамильцы даже.
Но первый — Смит... И сто четвертый —
Смит...
Над ними холм в районе Хото [Хито],
И, к Смиту Смит, под надписью лежит
Вторая рота — сто четыре Смита!

2

Откуда ж взялись сто
четыре Смита!
Закон есть старый
в Штатах. Он гласит:
«Дорога в пункт
вербовки всем
открыта,
Но полицейским вход
сюда — закрыт!»

Спасающийся гангстер
от погони,
Убийца, заметающий
следы,
Бандит ли, почту
грабивший в вагоне,
Домушник ли, бегущий
от беды,—
Любой, кому
в тюрьму — одна
дорога,
От кары, от расплаты,
от суда
Бежит в минуту
трудную сюда,
Полицию оставив
у порога!
И тертый фрукт —
вербовочный агент—
Отправит за моря их
мерять мили.
Но, зная свой
«гвардейский»
контингент,
Не спросит он их
подлинных фамилий.
Он отпечатки пальцев
должен взять,
Знакомясь с новобранцами своими.
И вправе завербованный назвать
Любое им придуманное имя.
Но так как установлено давно:
Фантазия несвойственна бандитам, —
То каждый третий! [«А не все ль равно!»]
Обычно регистрируется Смитом.
И пишут «Смит», на цент ему не веря,
Как ношенное штатское белье,
За этой заколдованною дверью
«Смит» оставляет прошлое свое.

Шаг от кустарной гангстерской судьбы —
И стал он государственным бандитом.

Он получает право зваться Смитом,
На хаки право, право на бобы,
И право на бесплатные гробы
[В придачу к праву срочно быть убитым].
Пока ж имеет право маскировки
И прочие удобные права.
Вот так из пункта воинской вербовки
Выходит Смит, не помнящий родства.

3

Давно не мыты гангстерские лбы
И бороды бандитские не бриты.
Тусклы американские гербы,
В пыли, в грязи, в крови шагают Смиты.
Их на войне влекут стоянок дни,
Когда их ранцы прибавляют в весе,
Когда опять носители они
Своих еще досмитовских профессий.

Но мили на чужбине далеки,
И далеки «трофеи» и награды!..
Сводили Смитов в роты и полки,
Сводили Смитов в мотомехбригады,
Но били их и в ротах и в полках —
Шагают Смитов жалкие остатки...
От них — людей без родины — в веках
Остались только пальцев отпечатки.
Бредут они — ландскнехты Уолл-стрита —
Ни памяти. Ни славы. Ни имен —
Наемники войны, космополиты,
Без прошлого, без будущего — Смиты —
Безродный, обреченный легион!..

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ,
М. СЛОБОДСКОЙ

Рисунки В. Васильева

Лекция о капитализме

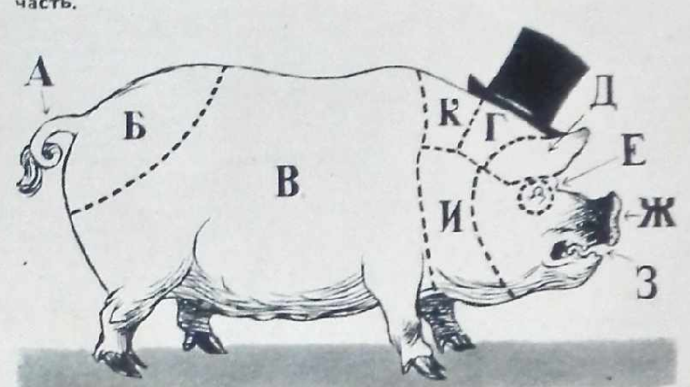
Тэд ТИНСЛЕЙ

Меня давно просили опубликовать мою иллюстрированную лекцию «О питании и уходе за капитализмом», но я отказывался на том основании, что эта лекция не будет достаточно популярной. Однако, продумав этот вопрос заново, я решил, что могут быть достигнуты некоторые положительные результаты в освещении проблемы, если я продемонстрирую мои методы исследования. Я всегда считал, что иллюстрированная лекция является наилучшей.

Ниже помещен рисунок — изображение капитализма, разделенное на составные части. При разборе фигуры мы будем следовать в направлении от задней части к передней, потому что в капитализме оказывается больше смысла, если к нему подходить именно этим способом.

А. Рукоятка насоса, с помощью которого накачивают последователей экономической школы, восхваляющей капитализм. Такого типа «ученых» не оторвешь от насоса, ибо это обеспечивает им «прожиточный минимум».

Б. Эта часть известна под названием «Профсоюзные боссы»; она неотделимая часть капитализма. Назначение ее заключается в поддержке всего, что предпринимает передняя часть.

В. «Прибыли». Иногда их неправильно называют «Заработки». Части их, не изображенные на рисунке, образуются из «Дивидендов». Как вы легко заметите, изображение прибыли составляет главную часть всего рисунка.

Г. Эта часть, где расположены мозги, называется «Гувер» или иногда «Даллес».

Рядом с «Гувером» или «Даллесом» находится тесно связанная с ними часть: К. «Более высокие инстанции» (?!).

Д. Эта часть известна под названием «ФБР» («Федеральное бюро расследований»). Она находится в тесном контакте с частью Г. («Гувер»).

Е. Глаза капитализма. Они постоянно рыщут по земному шару в надежде урвать кусок побогаче.

Ж. «Желтая пресса». Обычно ее не видно, так как большую часть времени она погружена в помои.

З. Отверстие. Специального названия не имеет. Через это отверстие происходит питание капитализма. Основная часть пищи остается в секторе В., а то, что не переваривается, попадает в Б. — к «Профсоюзным боссам», которые могут питаться чем попало.

И. Эта часть называется «Радио». Из нее исходит голос капитализма через посредство, например, радиокомментатора Уинчелла.

Хотя это и не исчерпывающая лекция о капитализме, я полагаю, что она достаточна, чтобы дать вам основные сведения по этому вопросу. В заключение я хотел бы заметить, что питание и уход за этим животным ложится на всех нас тяжелым бременем.

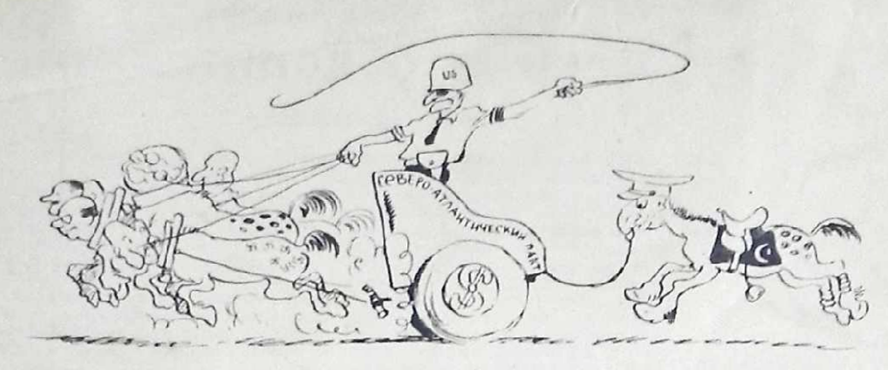
Давайте откажемся от этой работы!

Перевод с английского

НА БРОДВЕЕ.
— Если видишь белого вместе с черным, поступай с ним, как с красным!

Рисунок Е. Гурова

Урок географии

Западные государства обратились к Турции с требованием, чтобы она присоединилась к Атлантическому пакту. Вскоре после этого Турция объявила о присоединении к пакту. Принимая во внимание, что Турция расположена на Атлантическом океане, так же как Варшава на Миссисипи, я решил ближе ознакомиться с империалистической географией и пришел просто к чудовищному заключению.

Один из американских государственных деятелей заявил, что границы США лежат на Эльбе. Спрашивается: где же находится столица Америки? В Вашингтоне?

Но некий американский сенатор однажды заявил, что столица Америки находится на улице. Название этой улицы — Уолл-стрит.

Шумахер утверждает, что граница Германии тянется вдоль Вислы и Немана, а американский сенатор Дондевери считает, что Англия является североамериканским штатом.

Диктатор Южной Африки Малан находит, что Москва — это Азия, а Африка — это Европа.

Владелец хлопковых плантаций Мак-Леан из США, который проводил прошлый месяц в Париже, был убежден, что столица Франции находится в штате Георгия, и потребовал удаления из ресторана негра, обедавшего по соседству с американцем.

Империалистическая география напоминает юмореску Марка Твена, в которой доказано, что сын является прадедушкой его собственного отца.

Перевод с польского

Рисунки
Е. Ведерникова

Потомок первобытного леса

Перед нами могучее дерево, похожее на большую зеленую пирамиду. И хотя этому дереву около ста лет, оно в своей семье считается еще совсем младенцем. Его предки, родившиеся в прибрежных горных лесах Северной Америки, живут по крайней мере две тысячи лет, а нередко три тысячи и больше.

Этот потомок первобытного леса — секвойя. Она названа так по имени индейского вождя, боровшегося против вторжения европейцев в Америку.

Но не только феноменальным долголетием прославлены эти реликтовые деревья. Они обладают также исполинским ростом, не уступающим самому высокому на земном шаре растению — эвкалипту. На своей родине секвойи достигают ста метров высоты и выше.

Секвойя растет быстро, и, по наблюдениям сотрудников Батумского ботанического сада, ее ежегодный прирост в вышину составляет около одного метра.

Если спросить, какое растение самое толстое на земле, то не будет ошибкой назвать секвойю. Старые секвойи имеют в обхвате 15—16 метров. На одной европейской выставке показывали срез секвойи, на котором свободно разместился оркестр в шестьдесят человек.

Удивительными биологическими свойствами обладает это дерево. На протяжении многих тысячелетий в нем выработались черты необыкновенной жизнестойкости и сопротивляемости стихийным силам природы. Секвойе не страшны ни буреломы, ни лесные пожары, ни болезни и вредители, ни морозы...

Если пронесется по лесу ураган и свалит секвойю, то на ее корнях начинают пробуждаться к жизни сотни почек. Они образуют молодую поросль, которая быстро восстанавливает облик пострадавшего дерева. Такой воспроизводительной способностью не обладает ни одно хвойное растение.

Толстая кора секвойи, точно гигроскопическая губка, впитывает много воды и поэтому почти не загорается.

Секвойя отпугивает своими запахами вредных насекомых и не поражается грибными паразитами.

Обитательница гор привыкла к холоду и стойко переносит довольно суровые зимы, мирясь с понижением температуры до 15—20 градусов Цельсия.

В древесине секвойи много смолистых и дубильных веществ, и поэтому в течение десятилетий она не гниет в земле и под водой, служит отличным сырьем для постройки вагонов, судов, самолетов, различных подземных и подводных сооружений.

Секвойя хорошо акклиматизировалась в южных районах нашей страны и чувствует себя там, как дома. Первые ее семена были доставлены в Никитский ботанический сад в 1840 году. Кто бывал в парках Южного побережья Крыма или Кавказа, мог видеть горизонтальные ветви вечнозеленой секвойи с ее блестящими ланцетными листьями. Наряду с ней произрастает другой вид — гигантская секвойя. Ее сучья напоминают бивни допотопного мамонта, и, быть может, поэтому ботаники называют этот вид мамонтовым деревом.

Наша Родина — великая лесная держава. С каждым годом умножаются ее лесные богатства. Секвойя достойна занять почетное место в сталинском плане преобразования природы.

А. ВЕКСЛЕР

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Украшение, надеваемое на руку. 5. Планета. 7. Морская рыба. 9. Степень теплоты. 11. Полуостров на севере СССР. 13. Рубеж. 14. Город в Сибири. 16. Страница в наборе. 20. Полный круг вращения. 23. Продукт перегонки нефти. 24. Шахматная фигура. 25. Большое густое облако. 26. Советский авиаконструктор. 27. Знойный ветер, дующий в средиземноморских странах. 28. Клеймо, метка. 30. Зимняя повозка. 31. Отборные войска. 32. Автор романа «Овод». 33. Пчельник. 36. Условное изображение, присвоенное государству, городу. 38. Русский флотоводец. 39. Приспособление для вылавливания подводных мин. 41. Великий грузинский поэт XIX века. 44. Река в Азии. 45. Город в Европе. 46. Участок леса, выделенный для вырубки.

По вертикали:

1. Форма построения пехоты. 2. Город в Крыму. 3. Материал для письма, печати и рисования. 4. Музыкант. 5. Путевая мера длины. 6. Род мебели. 7. Венгерский гросмейстер по шахматам. 8. Боевая бронированная машина. 10. Сорт слив. 12. Литовская партизанка, Герой Советского Союза. 15. Верхний слой атмосферы. 16. Русский художник. 17. Персонаж из произведения А. С. Пушкина. 18. Приток Северного Донца. 19. Войсковое соединение. 21. Ценный сорт хрустальных изделий. 22. Боевая повозка. 29. Отдел сообщений в газете. 34. Предмет вооружения. 35. Выделанная овечья шкура. 36. Возвышенность. 37. Животное из породы грызунов. 39. Музыкальное произведение. 40. Герой гражданской войны. 42. Кровельный и изоляционный материал. 43. Обруч на ободе колеса.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 7

По горизонтали:

1. Столб. 4. Попов. 7. Многоугольник. 9. Пика. 11. Перегородка. 12. Сказ. 17. Литера. 18. Полость. 19. «Мещане». 22. Геликоптер. 24. Покупатель. 25. Царев. 26. Грабли. 27. Мытищи. 28. Бекас. 30. Незнакомец. 31. Стрелочник. 34. Ратмир. 35. Шоколад. 36. Шишкин. 39. Дерн. 40. Полусапожки. 41. Свет. 44. Представление. 45. Сакля. 46. Нитка.

По вертикали:

1. Сумы. 2. Олонец. 3. Броненосец. 4. Полуостров. 5. Пенька. 6. Вика. 8. Геолог. 9. Полог. 10. Каталогизатор. 13. Крашенинников. 14. Зверь. 15. Прокламация. 16. Серафимович. 20. Аполлон. 21. Пузырек. 23. Ранец. 24. Пегас. 28. Белоруссия. 29. Стратоплан. 30. Народ. 32. Канат. 33. Собака. 37. Почерк. 38. Аконит. 42. Опус. 43. Лена.

Шашки

РЕШЕНИЕ ПОЗИЦИИ, ПОМЕЩЕННОЙ В № 7

Белые: c3, c5, c7, d2, d4; черные: a3, a5, b3, e7, f4, g3, g5. Белые начинают и делают ничью, оставаясь с одной шашкой против семи. 1. c5 — b6! b8 : d6; 2. d4 — e5! a5 : c7; 3. c3 — b4! a3 : c5; 4. d2 — e3! f4 : d2; 5. e5 — f6!! и белые добиваются ничьей.

ОТВЕТ НА ЗАДАЧУ ИЗ РАССКАЗА ЧЕХОВА (№ 7)

Черного сукна 75 аршин, синего — 63.

В этом номере помещены цветные репродукции картин Б. Иогансона, В. Соколова, Д. Тегина, Н. Файдыш-Крандиевской и Н. Чебакова «Выступление В. И. Ленина на III съезде комсомола», А. Киселева «Болото в лесу» и «Пейзаж» и две страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ. Редакционная коллегия: А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, К. В. СМИРНОВ, А. Н. СТУДИТСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова

А — 01533. Подписано к печати 13/II 1951 г. 5½ печ. л. Тираж 406 000. Изд. № 97. Заказ № 343. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

НА РЕКЕ ИКШЕ.

Фото Б. Кузьмина.

ЦЕНА 3 РУБ.